

Н. П. ГРИЦЕНКО

КЛАССОВАЯ
И АНТИ-
КОЛОНИАЛЬНАЯ
БОРЬБА
КРЕСТЬЯН
ЧЕЧЕНО-
ИНГУШЕТИИ
НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВЕКОВ

Н. П. ГРИЦЕНКО

**КЛАССОВАЯ
И АНТИ-
КОЛОНИАЛЬНАЯ
БОРЬБА
КРЕСТЬЯН
ЧЕЧЕНО-
ИНГУШЕТИИ
НА РУБЕЖЕ
XIX—XX ВЕКОВ**

**ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ—1971**

Гриценко Н. П.

Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX—XX веков. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство. 1971.

108 с.

В книге анализируется малоисследованный период истории классовой и антиколониальной борьбы народных масс Чечено-Ингушетии на рубеже XIX—XX веков. Показано экономическое и социально-политическое положение горского крестьянства. Подробно рассматривается абреческое движение как одно из проявлений антиколониальной и классовой борьбы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

России начала XX века «были присущи все типичные социально-экономические противоречия тогдашнего мира: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и значительными феодально-крепостническими пережитками, между высокоразвитыми промышленными районами и отсталыми окраинами. Особую остроту этим противоречиям придавала система политического, духовного и национального гнета царского самодержавия»¹. Россия в те годы была страной со средним уровнем развития капитализма и вместе с тем аграрной страной «с громадным преобладанием сельского населения»².

В. И. Ленин придавал исключительно большое значение аграрно-крестьянскому вопросу. В его работах дан блестящий анализ положения русского крестьянства конца XIX — начала XX века. В 1901 году в статье «Внутреннее обозрение» В. И. Ленин писал: «Опять голод! Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв»³. Крестьян жестоко эксплуатировали помещик, сельский кулак, капиталист, весь самодержавно-полицейский строй. Основная масса крестьянства влачила жалкое существование. В статье «Рабочая партия и крестьянство» В. И. Ленин писал: «Крестьянин

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. — «Коммунист», 1970, № 1, стр. 5—6.

² Там же, стр. 6.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 297.

был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще»¹. Много фактов, подтверждающих ленинские слова, можно найти в периодической печати и специальных работах того времени. В книге земского врача А. И. Шингарева «Вымирающая деревня» (СПб., 1907) рассказывалось, что в селе Новоживотинном Воронежской губернии во время голода 1903 года люди пытались убивать своих детей и себя или доходили до умопомешательства.

В более худшем положении находились крестьяне колониальных окраин царской России. Они жестоко страдали под гнетом местной знати, сельских мироедов, царских чиновников и офицеров, проводивших колониальную политику самодержавия. Господство торгового и ростовщического капитала сковывало развитие производительных сил, разоряло крестьянские массы. «Возможность угнетать и грабить чужие народы, — писал В. И. Ленин, — укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «инородцев»². У крестьян-горцев Чечено-Ингушетии за бесценнок скупали сельскохозяйственное сырье, отбирали лучшие пахотные и пастбищные земли, тружеников лишали самых элементарных прав человека. Г. К. Орджоникидзе отмечал, что «положение горцев до революции было самое ужасное», они «находились почти вне закона», их «считали только разбойниками, за убитого горца не привлекали к ответственности», а за самое малейшее проявление протеста «целый аул подвергался экзекуции»³.

Население Чечено-Ингушетии не было в социальном отношении единым целым. Противоречия неопровержимым фактам, изучавшие социально-экономические отно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4, стр. 431.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26, стр. 318.

³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 1. М., стр. 70—74.

шения утверждали, что у чеченцев и ингушей существовал в XIX веке чуть ли не первобытный строй. Даже в первые годы Советской власти некоторые исследователи писали, что вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в Чечено-Ингушетии не было классов, а сохранялся родовой строй. На самом же деле существовала национальная буржуазия в лице Чермоева, Мациева, Баширова и многих других, эксплуатировавшая народные массы и накапливавшая огромные капиталы. В сельской местности горская знать владела большими земельными массивами, кулачество располагало сотнями голов крупного рогатого скота, огромными отарами овец. Основная же масса чеченцев и ингушей состояла из малоземельных и безземельных крестьян. Таким образом, жизнь наглядно подтверждала наличие классов в Чечне и Ингушетии. А там, где существуют классы, постоянно происходит и классовая борьба. В наших условиях она переплеталась с национально-освободительной. На классовую, революционную борьбу горских крестьян в начале XX века большое влияние оказал грозненский пролетариат, его революционная большевистская организация. В годы первой революции 1905—1907 годов горские крестьяне прошли замечательную школу революционной борьбы. Большинство чеченцев и ингушей стали понимать, кто их друзья и кто их враги, кто их угнетает и при помощи кого они могут получить освобождение от социального и колониального рабства. Их друзьями были русский рабочий и русский бедняк-крестьянин. Врагами же их выступали представители российского самодержавия, буржуазия и местная знать.

Дружба чеченского и ингушского народов с великим русским народом, с его авангардом — рабочим классом — в горниле первой революции из года в год крепла. Она явилась решающим фактором в годы Октябрьской революции и гражданской войны. Дружба народов стала неколебимой основой нашего советского строя.

В изучаемое время среди терского казачества также происходили социально-экономические изменения. Рельефно выделяются хозяйства станичных атаманов, кулаков-станичников на фоне бедных казачьих хозяйств. С каждым годом все явственней среди казачества усиливалась социальная дифференциация. Правда, значительная часть казаков по-прежнему считала себя защитни-

ками трона и самодержавия, а сам царизм использовал казаков в качестве карательной полицейской силы. Однако появились такие элементы, которые стали выступать как против самодержавия, так и против верхушки казачества. Это наглядно все увидели в годы первой русской революции. Немало казаков, мобилизованных на ее подавление, отказывались выполнять приказы начальства. В работе «Политика правительства и грядущая борьба», написанной в сентябре 1906 года и опубликованной в большевистской газете «Пролетарий», В. И. Ленин писал: «Военная диктатура и военное положение заставят мобилизовать новые войсковые массы, а между тем уже теперь повторные мобилизации самых «надежных» войск, казачьих, привели к сильному росту брожения в разоренных казачьих станицах, усилили «ненадежность» этого войска»¹.

В бесправном положении находились крестьяне-переселенцы, так называемые иногородние. Выходцы из различных губерний России и Украины, они в массе своей превратились в жалких арендаторов чужой земли, в постоянных должников казачеству или казне. Часть их стала батраками у крупных овцеводов, в кулацких хозяйствах или помещичьих имениях. «Проблема иногородних, — писал Д. З. Коренев, — одна из самых острых проблем в казачьих областях. Занимая важнейшее место в хозяйственной и культурной жизни этих областей, даже превосходя кое-где по численности казаков, иногороднее население было полностью бесправным»².

Все эти группы трудящихся — чеченцы, ингуши, крестьяне-переселенцы, беднейшее казачество — становились на путь классовой, национально-освободительной борьбы. В разрушении самодержавного строя, всей колониальной системы эксплуатации, «полуфеодальной эксплуатации «инородцев», по определению В. И. Ленина, были кровно заинтересованы пролетариат и крестьянство окраин Российской империи. История подтвердила, что главной силой в классовой и национально-освободительной борьбе был рабочий класс, который в союзе с крестьянством, под руководством Коммунистической партии

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 13, стр. 385.

² Д. З. Коренев. Революция на Тереке. 1917—1918 годы. Орджоникидзе. Северо-Осетинское книжное издательство, 1967, стр. 23—27.

сбросил царизм, освободил трудящихся от эксплуатации, национально-колониального гнета и вместе со всем народом страны построил новое общество.

О рабочем классе, большевистских организациях, их руководстве грозненским пролетариатом и крестьянством Чечено-Ингушетии в первую буржуазно-демократическую революцию и в последующий период написано сравнительно много работ Л. Н. Колосовым, Е. П. Киреевым, Ф. И. Самариным, А. И. Хасбулатовым и другими¹.

В соседних Дагестане и Азербайджане наряду с крестьянскими выступлениями, особенно в период первой русской революции, широкой волной разлилось абреческое, или, по-местному, качагское, движение. «Развертыванию качагского движения, — пишут дагестанские историки, — способствовало то обстоятельство, что население Дагестана в отличие от русских крестьян было почти поголовно вооружено. Значительную часть партизан (качагов. — Н. Г.) составляли бежавшие из-под ареста участники аграрных волнений. Особенно крупными были действия качагов в Южном Дагестане... а также в Северном, близ границ Терской области. Действуя отрядами в несколько десятков человек, качаги (среди которых были и русские) сжигали бекские усадьбы и хозяйственные постройки, убивали помещиков, купцов, представителей царской власти, совершали внезапные налеты на рыбные промыслы, железную дорогу, воинские посты»². «Качаги, — отмечают азербайджанские историки, — пользовались поддержкой у крестьян, которые снабжали их одеждой, пищей, оружием, часто предоставляли убежище и ночлег, предупреждали об опасности, о появлении воинских частей»³.

В целом абречество на Северном Кавказе представляло сложное социальное явление. Его можно и нужно разделить на две группы: абречество как протест против колониальной политики царизма и ее проводников — царских чиновников, местных старшин и богатеев, имев-

¹ Перечень указанных работ см. в библиографическом справочнике «Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей» (Грозный, 1971).

² История Дагестана. Т. 2. М., «Наука», 1968, стр. 235—236.

³ История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960, стр. 577.

шее политическую окраску, и абречество с целью воровства и обогащения, вырождавшееся в бандитизм. «Следует, однако, отметить, — говорится в «Истории Дагестана», — что в общей массе качагов имелись и отдельные мародеры, причем некоторые из них были связаны с местной полицией»¹.

В Терской области под видом абреков действовали воровские шайки, куда входили представители мелкой администрации. «Милиционеры, — жаловалась в 1910 году осетинская интеллигенция начальнику области, — не только не охраняют от разбоев, но бывали случаи и притом слишком часто, когда обвинение в грабежах или укрывательстве разбойников предъявлялось самим милиционерам»².

По форме борьбы в дагестанском движении качагов и выступлениях абреков в Чечено-Ингушетии было много общего. Как в Дагестане, так и в Чечено-Ингушетии движению качагов и абреков в годы первой революции присущи были некоторые черты партизанского характера. В статье «Партизанская война» В. И. Ленин в 1906 году писал: «Интересующее нас явление есть *вооруженная* борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России *большую* частью) не принадлежат ни к какой революционной организации»³.

Необходимо сказать, что абречество Чечено-Ингушетии также не принадлежало ни к какой революционной организации. По формам борьбы оно только напоминало партизанскую войну, а по своим методам выливалось в месть, индивидуальный террор.

Современники и исследователи по-разному относились к абречеству. Представители царской власти называли абреков разбойниками. В статье пламенного большевика А. Шерипова «О чеченских народных песнях» говорится, что в борьбе с произволом царской администрации на Кавказе многие «сильные личности из чеченцев (и вообще из кавказцев) становились на нелегальное положение» и превращались в абреков. Царские чинов-

¹ История Дагестана. Т. 2, стр. 249.

² Кавказские разбойники. — Приложение к газете «Отклики Кавказа». Баку, 1913, стр. 131 (оттиск).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 14, стр. 4.

ники их жестоко преследовали «и для успешности борьбы с вредным элементом ввели систему круговой поруки. От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами «преступника». Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все... И вот началась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и др. правительственные учреждения... а власть еще пуще налегала на мирное население: штрафы, экзекуции, высылка в Сибирь, виселица и т. д. Власть терроризировала мирное население, абреки терроризировали власть...»¹

Другой современник, родившийся в Чечне, всю почти жизнь проживший среди чеченского народа, известный партийно-политический деятель периода гражданской войны и упрочения Советской власти на Тереке А. Ф. Носов писал: «Нужно отметить, что понимание чеченцами движения абречества выросло на почве непримиримых антиколонизаторских настроений. Абречество надо рассматривать как особую форму политического протеста против колониального режима самодержавия». А. Ф. Носов был прав в том, что абречество «было бесперспективным, ибо оно не было связано с массами, не имело организованности, отвлекало от действительной массовой и организованной борьбы против любых форм эксплуатации и насилия»².

А. А. Саламов отмечал: «Абречество, отражавшее в основном протест народа против колониального и национального гнета, носило анархический характер. Оно было бесперспективным, не было связано с организованным движением масс и не могло дать облегчения трудящимся от насилий царизма и эксплуатации буржуазии и духовенства»³.

В 1967 году вышла большая монография Д. З. Коренева, активного участника революции и гражданской войны на Тереке в 1917—1920 годах, хорошо знавшего дореволюционную Чечню и Ингушетию и характер дви-

¹ А. Шерипов. Статьи и речи. Грозный, 1961, стр. 47—48.

² А. Ф. Носов. Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961, стр. 14.

³ А. А. Саламов. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI — начало XX века). — Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 3. 1963, стр. 44—45.

жения абречества. Он писал: «Абречество на Тереке получило огромный размах. Только в 1910 году, когда были мобилизованы большие силы на захват и уничтожение знаменитого абрека Зелимхана, в Терской области было совершено 3650 вооруженных нападений и грабежей.

Нельзя, конечно, идеализировать горское абречество. Но одно во всяком случае несомненно: во многих своих проявлениях абречество имело политическую основу и было связано с широкими массами. Только этим можно объяснить неуловимость легендарного Зелимхана — «наместника гор», в течение двенадцати лет державшего в страхе и трепете все местное начальство»¹.

В указанных выше работах имеются только отдельные высказывания об абречестве. В 1965 году кабардино-балкарский историк И. Ф. Мужев издал книгу, в которую включил целый раздел под названием «Абречество горцев Чечни и Ингушетии»². Однако автор впадает в крайность, говоря, что абречество было присуще только чеченскому и ингушскому народам.

Об абреках и абречестве историки высказывали и другие взгляды. «Чечено-ингушские феодалы и духовенство поощряли абречество, — писал в 1957 году Е. П. Киреев, — как одну из форм протеста, освящали его религиозными лозунгами и тем самым также отвлекали бедноту от классовой борьбы»³.

Наконец в 1968 году Л. Н. Колосов в своей книге, касаясь абречества, писал, что «оно, по-видимому, устраивало в известной степени местные власти»⁴.

Все эти противоречивые высказывания об абречестве свидетельствуют о недостаточной исследованности данной темы. Однако и сам автор вполне понимает, что для полного изучения истории абречества потребуются дальнейшие поиски в архивохранилищах и центральной периодической печати.

При написании монографии использованы материалы Чечено-Ингушского и Северо-Осетинского государственных архивов, периодическая печать того времени.

¹ Д. З. Коренев. Цит. соч., стр. 20.

² См.: И. Ф. Мужев. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900—1914 гг.). Нальчик, 1965.

³ Е. П. Киреев. Пролетариат Грозного в борьбе за победу Великой Октябрьской революции. Грозный, 1957, стр. 47—48.

⁴ Л. Н. Колосов. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907—1917 годы). Грозный, 1968, стр. 136.

ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ ПОД ПЯТОЙ ЦАРИЗМА

Природные условия Чечено-Ингушетии, входившей в состав Терской области, разнообразны: на юге — предгорье и горы, на севере и северо-востоке — степь, буруны и пески, а в центре на плоскости находились плодородные земли. Здесь жило и трудилось много различных национальностей и народностей. В 1887 году языковед и этнограф В. Ф. Миллер писал: «Кавказский хребет — это гора языков — представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы на сравнительно небольшом пространстве сгущивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов»¹. Действительно это было так. Только в Чечено-Ингушетии жили чеченцы, ингуши, казаки, ногайцы, караногайцы, калмыки, горские евреи (таты), трухмены, крестьяне-переселенцы из украинских и русских центральных губерний. Больше всего было чеченцев, ингушей, казаков и крестьян-переселенцев, так называемых иногородних. Точных данных о населении того времени нет. Границы округов и отделов часто менялись, и селения переходили из одного округа или отдела в другой. Об общем росте населения можно судить по следующим данным²:

¹ В. Миллер. Осетинские этюды. Ч. 3. СПб., 1887, стр. 3.

² См.: Отчет начальника Терской области за 1900 год. Владикавказ, 1901, стр. 13; Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900, стр. 9; Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911, стр. 13.

Рост населения Терской области
(душ обоого пола)

	1900 год	1911 год	% увели- чения
Казачи	180 125	247 052	27
Крестьяне-переселенцы	98 276	168 472	41
Горцы	505 342	615 750	17
В том числе:			
Чеченцы	202 305	233 975	13,5
Ингуши	49 216	54 788	11,1

Приведенные цифры официальной статистики о росте населения в Терской области наглядно показывают пагубные результаты реакционной колониальной политики российского самодержавия на Северном Кавказе. Казачьего населения за десятилетие стало больше на 27 процентов, а горского — только на 17 процентов. К тому же у чеченцев прирост не превышал 13,5, а у ингушей — 11,1 процента. У других народов, обитавших на Северном Кавказе, в том числе в Чечено-Ингушетии, шел процесс деградации, вымирания. Наглядным примером тому являются ногайцы, караногайцы, жившие в пределах Кизлярского отдела, и трухмены, частично обитавшие в Терской области.

Ногайцы, кочевавшие в низовьях Терека, у берегов Аграханского залива и частично на землях кизлярско-гребенского казачества, буквально вымирали. Если в 1885 году ногайцев, приписанных к Костиковскому и Аксаевскому обществам, насчитывалось 6184, то в 1893 году их оказалось только 5464 человека, или за 8 лет ногайцев стало меньше на 720 человек¹. Смертность среди этого народа преобладала над рождаемостью. Так, в 1883 году родилось 112, а умерло 160, в 1884 году родилось 143, а умерло 180 человек. В 1893 году на 147 смертных случаев пришлось только 99 рождений².

Подобная картина наблюдалась и среди трухменско-

¹ См.: Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 373—374.

² См. там же, стр. 377.

го народа. С 1893 по 1902 год, за одиннадцать лет, у него прироста населения совершенно не было: родилось 1279 человек, а умерло 4329 человек¹. Современник, учававший жизнь тухмен, с горечью в душе писал об этом народе: «Что будет с тухменами через 100—200 лет? Через неизвестное время тухмены, вероятно, все вымрут, и только развалины прежних аулов будут напоминать, что когда-то жил маленький народец, волею судеб переселившийся из Азии в Европу и нашедший в последней себе могилу»².

Такова была жестокая и ничем не прикрытая политика царизма по отношению к народам окраин Российской империи. Он сознательно создавал все условия для экономической и культурной отсталости этих народов, для их вымирания.

«Октябрьская революция, строительство социализма, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», — разбудили и подняли к самостоятельному историческому творчеству отсталые в прошлом народы, а некоторые из них были спасены от физического вымирания»³.

Не лучше относились представители царской власти к крестьянам-переселенцам. В 1900 году в Терской области насчитывалось 59 868 человек, имевших так называемую оседлость, остальные, более 38 тысяч человек, не имели никакой оседлости. За десятилетие число крестьян-переселенцев увеличилось до 168 472 человек. Их в любое время могли прогнать собственники с земли, лишиться воды, общественных выгонов. Высокая арендная плата за землю обрекала переселенцев на нищенское существование. Только кулаки, имевшие деньги, на новом месте приобретали земельные участки, вливаясь в состав местной сельской буржуазии.

В землепользовании и землевладении также ярко отражалась колониальная политика российского самодержавия. Ущелья и горы с суровым климатом получили крестьяне-горцы. Г. Цаголов о почве нагорной полосы в

¹ См.: А. А. Володин. Тухменская степь и тухменцы. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 80.

² Там же, стр. 80—81.

³ Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». М., Политиздат, 1967, стр. 16.

1907 году писал: «Обнаженные угрюмые скалы, вражьей ратью обступающие человека со всех сторон... Почва, или, скорее, жалкая пародия на почву, малопригодная для сельскохозяйственной эксплуатации, переполненная камнями, начиная с мелочи и кончая в несколько десятков пудов весом»¹. В другом документе сказано: «На том клочке земли, которую имеет горец в своем распоряжении, он, можно сказать, положительно «делает хлеб из камня»². О ногайцах и караногайцах сказано, что у них «около 250 000 дес. пастбищ, не пригодных для сенокоса, около 300 000 дес. солонцов и около 200 000 дес. голых сыпучих песков»³. В центре двух полюсов находились казачьи земли. Они больше всего были приспособлены к хлебопашеству.

До кавказской войны чеченцы и ингуши занимали плодородные земли предгорья и плоскости. За 10—15 лет до окончания войны на месте селений горцев стали возникать казачьи станицы по рекам Сунже и Ассе. В 1845 году на горской земле создаются Троицкая, Слепцовская, а через год Михайловская станицы. В дальнейшем на месте селений Гаджирен-Юрт, Магомет-Хите, Ах-Борзе, Аки-Юрт, Ангушт, Ильдир-Гала, Алхасте и других появляются станицы Ассиновская, Вознесенская, Сунженская, Тарская, Карабулакская. В 50—60-х годах возникают новые станицы — Ермоловская, Грозненская, Самашкинская, Петропавловская, Закан-Юртовская и другие⁴. Возникшие на Сунженской линии станицы заселялись донскими и другими казаками, которых силой, при помощи солдатского штыка, отправляли на Северный Кавказ. С появлением новых станиц горцы утрачивали свои лучшие земли. Только на Сунженской линии они лишились 262 964 десятин плоскостной земли. И в дальнейшем землепользование у горцев все время сокращалось. Их земли раздавали русским генералам и офицерам, в меньшей мере — местной знати. В 1911 году в руках собственников и казачьих офицеров Терской обла-

¹ «Терек», 1907, 17 августа.

² Кавказские разбойники... стр. 37.

³ Ф. И. Капельгородский. Каранагай. — Записки Терского общества любителей казачьей старины, № 10. Владикавказ, 1914, стр. 46.

⁴ См.: Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911, стр. 368—373; Г. К. Мартиросов. Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928, стр. 76.

сти находилось 678 605 десятин лучшей земли, или около 10 процентов к общему земельному фонду области. Остальная плодородная земля плоскости оказалась в руках терского казачества. В 1911 году в Сунженском и Кизлярском отделах, где проживало 113 415 казаков, насчитывалось 1 039 206 десятин земли, или в среднем на одну душу приходилось около 9 десятин. В то же время в Грозненском, Веденском и Назрановском округах, где проживало 303 689 чеченцев и ингушей, насчитывалось 939 849 десятин, или в среднем на одну душу приходилось 3 десятины¹. Если учесть, что 98 107 чеченцев и 11 946 ингушей жило в горах, их душевой надел будет еще меньше. По официальным данным 1907 года, в нагорной Ингушетии на одну мужскую душу приходилось 0,3 десятины пахотной и 1,2 десятины покосной земли, в нагорной Чечне — 1,2 десятины пахотной и 1,7 десятины покосной². Было много селений, крестьяне которых пользовались ничтожными участками. О землепользовании крестьян Веденского округа говорят данные за 1912 год³:

Название селения	Земли, десятины	Душ обоего пола	На одну душу, десятины
Ведено	314	231	1,47
Дышне-Ведено	723	1970	0,36
Эрсеной	541	1326	0,40
Харачой	503	1184	0,42
Белгатой	628	1194	0,52
Центорой	709	1703	0,41
Гордали	702	2201	0,31
Элистанжи	320	881	0,36

Имея мизерные клочки земли, крестьяне нагорной полосы жили покупным хлебом. В 1910 году «Терские ведомости» писали: «Урожай со всей земли, принадле-

¹ См.: Отчет начальника Терской области за 1911 год. Владикавказ, 1912, стр. 19.

² См.: Г. К. Мартиросян. Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928, стр. 85.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 11, д. 6265, лл. 90—91.

жавшей горным ингушам, может прокормить население в течение 70 дней, а скот также может быть обеспечен кормом всего на 20 зимних дней»¹.

Даже те небольшие клочки, которыми пользовались крестьяне, постоянно дробились в результате семейных разделов или продавались по крайней необходимости. Знаток жизни чеченцев и ингушей в горах Н. С. Иваненков в 1906 году писал: «Многие лица безземельны потому, что или сами, или их предки продали свои трудовые земли, надеясь со временем купить их. Другие же отдали земли в бессрочный залог, и это сделали они в большинстве случаев не по избытку земли, а по нужде в деньгах для каких-либо житейских надобностей. Наконец, есть и такие безземельные домохозяева, которые никогда не имели земли, потому что предки их принадлежали к бесправному сословию рабов; наконец, есть такие, которые вследствие раздробления земли, в порядке наследства, дошли до таких малых долей, что, предоставляя их сонаследникам, сами остались без земли с одними лишь жилищами»².

У терского казачества положение было лучше. Существовал войсковой запасной фонд для наделения мало-земельных станиц. В тех же целях казачье начальство покупало земли у частных владельцев. Только в 1911 году 22 из 75 станиц получили из войскового фонда более 44 тысяч десятин земли³.

Крестьяне-горцы никаких запасных земельных фондов не имели, а естественный рост населения постоянно сокращал душевые наделы. Цифровые данные за 1877 и 1911 годы убеждают в этом⁴.

Таблица показывает, что за 25 лет в чеченских селениях землепользование в среднем сократилось в 1,5—2 раза. У казаков душевой надел равнялся 14—35 десятинам, у большинства же горцев плоскостной местности он не превышал 2—3 десятин.

Не в лучшем экономическом положении жили и другие народы Северного Кавказа. Ногайцы долгое время отстаивали свои пастбища от посягательств богатых

¹ «Терские ведомости», 1910, № 92.

² ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 32, д. 9, л. 314.

³ См.: «Терские ведомости», 1911, № 233.

⁴ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 149, дд. 22, 31, 37, 39, 41; Терский календарь на 1912 год, стр. 114—122.

Название селений	Всего земли, десятины	1887 год		1911 год	
		душ обоого пола	на одну душу, десятины	душ обоого пола	на одну душу, десятины
Кошкельды	3833	1121	3,4	1400	2,7
Шамо-Юрт	2916	1324	2,1	1422	2,0
Валерик	2944	1616	1,8	1822	1,5
Шихо-Юрт	2381	742	3,0	1110	2,1
Найберды	2844	765	3,7	1028	2,7
Бачи-Юрт	5488	2277	2,7	3658	1,5
Итого	20406	7845	2,7	10446	2

скоотоводов-калмыков, казаков-хуторян, но в конце XIX века были оттеснены на узкую полоску земли у Каспийского моря, где, кроме солончаков и горькой полыни, ничего другого не было. Но и за эту землю, около 18 тысяч десятин, они платили арендные деньги¹. В этой борьбе, писал Н. Семенов, «ногаец как более слабая сторона оказался совершенно побежденным. Энергические соседи исподволь втиснули его в пределы узкой береговой полосы и теперь он, жалкий, ободранный и полуголодный, вертится как белка в колесе»².

Калмыки, в свое время переселенные с Волги на Терек, в начале XX века кочевали в районах Кизлярского и Моздокского отделов, и насчитывалось их 4079 человек. По признанию самого терского начальства, калмыки «остаются до сих пор неустroенными как в поземельном, так и в других отношениях»³.

Чтобы не умереть голодной смертью, бедняки-горцы должны были арендовать на стороне пахотную землю, а иногда и пастбища, прежде всего у казачьего войска и станичных обществ. В 1901 году только по Сунженскому и Кизлярскому отделам сдавалось в аренду 415 157 десятин станичных земель. В 1911 году здесь было сдано 420 266 десятин за 696 585 рублей. Арендная плата увеличилась за десять лет почти в 4 раза.

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5857, л. 128.

² Н. Семенов. Цит. соч., стр. 378.

³ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5857, л. 163.

Горцы стремились арендовать землю за Терекон, но богатые конкуренты их туда не допускали. Этим отличались выходцы из южных районов Украины, так называемые тавричане. Тавричане-овцеводы — владельцы многочисленных отар овец и гуртов скота — при помощи подкупа власть имущих арендовали на льготных условиях почти все затеречные земли, ранее доступные и для горцев¹.

Не имея собственного участка земли и возможности арендовать ее, горцы-бедняки превращались в батраков. Они обычно работали в своем селении на богатеев или уходили на заработки к казакам-мироодам. Много людей отправлялось на заработки в район Кизляра. В одном из документов за 1907 год говорится, что в Кизлярском районе в разгар сбора винограда было занято до 20 тысяч рабочих². За нищенскую плату там трудились от зари до зари горцы из Чечено-Ингушетии, Дагестана, караногайцы и другие.

Бедственным положением горцев, а также кочевников — ногайцев, калмыков и других — умело пользовались казаки-хуторяне, жившие по своим кутанам вдаль от станиц. В статье Г. П. Губанова «Хуторская жизнь в Терской области» нарисована яркая картина ограбления скотоводами-казаками бедняков-калмыков. Переселившись на хутор, богатей-казак захватывал не только бурные земли, но и земли калмыков, считая себя вправе «опахать кибитку» беззащитного калмыка со всех сторон³. Пользуясь безнаказанностью, богатеи-казаки старались захватить в степи побольше и получше участков земли, проводили глубокие борозды, после чего считали захваченный участок своим собственным. По словам того же Губанова, хуторяне эксплуатировали калмыков «самым безбожным образом». Зимой, когда у бедного калмыка бывало нечего есть, хуторянин, зная об этом, ссужал ему займы пуд ржаной муки или полдоски кирпичного чаю, цена которому не более рубля, «под условием сжать ему (казаку. — Н. Г.) десятину хлеба или косить два дня»⁴. Тот же автор пишет, что калмык «це-

¹ См.: «Терские ведомости», 1910, № 92.

² См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 14, оп. 1, д. 154, л. 16.

³ См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 33. Тифлис, 1904, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 67.

лую неделю со своим семейством отрабатывает свой ничтожный долг». Этот факт может служить только слабой иллюстрацией тех притеснений и издевательств, какие приходилось терпеть калмыкам от хуторян. Такова была неприглядная картина грубого отношения хуторян к калмыкам. Малочисленный ногойский народ находил некоторый выход из своего тяжелого положения в отходничестве. Обычно с наступлением времени полевых и садовых работ 700—750 взрослых ногойцев покидали степь и уходили в надтеречные станицы на уборку винограда или в кумыкские селения на полевые работы¹.

Участь батрака, поденщика постигала и бедного казака. Даже бытописатели казачьей жизни в начале XX века уже не видели прошлой старины — патриархальщины, боевой и беспечной жизни, удалых набегов и праздничного застолья. И в казачьи станицы проникали неумолимые законы капитализма, которые подтачивали и разрушали веками сложившуюся жизнь. К этому времени уже перевелись герои повести «Казачья станица» Л. Н. Толстого. Большинство казаков часто покидали станицы, уходя на заработки, а некоторые на время или навсегда порывали со своим сословием, чтобы стать рабочими на нефтепромыслах или других промышленных предприятиях. Казаки станицы Наурской, утверждает П. А. Востриков, «не заработавшие себе хлеба летом, идут зимою работать на нефтяные промыслы в гор. Грозный. Во время недородов масса мужчин находит себе пропитание и заработок на названных промыслах»². Большинство же казаков, с малых лет приученных к сельскохозяйственным работам, обычно уходили на заработки к владельцам больших виноградников или к кулакам на уборку хлебов. Они подвергались той же жестокой эксплуатации, что и горцы, калмыки и ногойцы. Ф. С. Гребенец, изучавший в 1914 году быт и жизнь казаков станицы Новогладковской, обратил внимание на их побочные заработки. «Кизляр, — писал он, — служит местом для заработков большинству жителей станицы от ранней вес-

¹ См.: Н. Семенов. Цит. соч., стр. 3.

² П. А. Востриков. Станица Наурская Терской области. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 33. Тифлис, 1904, стр. 221.

ны до поздней осени»¹. Обычно в Кизляре наймом рабочей силы занимались так называемые тамады, которые даже в то время вызывали глубокое осуждение современников. «В последнее время, — писал Ф. С. Гребенец, — нахальство этих последних дошло до того, что они, не считая нужным объявлять недельную плату, прямо чуть ли не палками гонят казаков в сад, отдавая предпочтение артелям, состоящим исключительно из женщин»².

Можно привести много других примеров бедственного положения значительной части терских казаков. Если раньше казак с презрением относился к городу и жизни горожан, то в начале XX века нужда его заставила искать спасения в любом месте, лишь бы прокормить себя и свое семейство. В 1904 году П. В. Востриков писал, что «наурцы стали все более и более вести скитальческий образ жизни, ища вне родины средств для пропитания своего семейства. Ходит наурец из города в город, как ему это ни неприятно, на заработки»³. Буквально не было таких станиц, казаки которых не отправлялись бы в отходничество — и не только взрослые, но подростки и даже дети.

Для горцев отходничество являлось своеобразной школой просвещения, цивилизации. Если раньше внешний мир для них был очерчен только рамками гор, то теперь в обстановке малоземелья и безземелья многие побывали за пределами своего аула, увидели большие города, заводы, ранее невиданную технику и совершенно новую для них жизнь. Горцы и казаки, работавшие временно и особенно постоянно на грозненских предприятиях или других заводах, соприкасаясь с русским рабочим классом, постепенно перековывали свою крестьянскую идеологию, часто становились на путь классовой борьбы. Эти рабочие, приезжая на побывку в родную станицу или аул, иногда становились пропагандистами борьбы народных масс с самодержавным строем.

Известно, что сразу же после кавказской войны часть горцев переселилась в Турцию. Обманутые царизмом и

¹ Ф. С. Гребенец. Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 74. Тифлис, 1915, стр. 84.

² Там же, стр. 84—85.

³ В. П. Востриков. Цит. соч., стр. 267.

султанским правительством многие из них погибли в пути, другие умерли в первые же месяцы пребывания на новой «родине», некоторые возвратились на Кавказ, остальные владели жалкое существование на турецкой земле.

В 90-х годах прошлого века поднялась новая волна переселения горцев в Турцию. В 1893 году на имя кавказского начальства стали поступать заявления от отдельных лиц, семей и целых селений с просьбой разрешить им переселиться в Турцию. В 1902 году кавказское начальство в секретном циркуляре на имя губернаторов и начальников областей объясняло причины этого движения. Вначале, говорилось в этом документе, движение имело экономическую почву, затем оно получило религиозную, мусульманскую окраску и охватило не только губернии и области Кавказского края, но и часть мусульманского населения Среднего Поволжья. Все это заставило царское правительство создать при министерстве внутренних дел особую комиссию. Она должна была изучить причины переселенческого движения, а также выработать правила, на основании которых желающие горцы могли бы переселиться в Турцию¹.

Но еще до обнародования этих правил появились организаторы переселения. Таким организатором и подстрекателем явился сын кабардинского князя Каспулат Наурузов — отъявленный вор и конокрад, которому был уготовлен путь в Сибирь². Ему удалось убежать в Турцию. В письмах на Кавказ Наурузов всячески расхваливал условия жизни в Турции, где много свободных пахотных земель, пастбищ и лесов.

Слухи о «райской» жизни на турецкой земле распространились с быстротой молнии. Они дошли до Чечни и Ингушетии. В 1896 году изъявили желание переселиться в Турцию жители чеченских селений Шали, Старые Атаги, Гойты, Урус-Мартан, Гехи, Ялхой-Мохк и других. Всего по Грозненскому округу таких оказалось 637 семей, или 4454 человека. Из Терской области стремились уехать в Турцию 1027 семей, или 6377 человек³. Письмам Каспулата Наурузова, по-видимому, горцы не пове-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 7, д. 5345, лл. 3—4; ф. 20, оп. 1, д. 3240, л. 28.

² См. там же, ф. 12, оп. 8, д. 305, лл. 1—4.

³ См. там же, оп. 2, д. 695, лл. 230—231.

рили. В начале XX века во главе переселенческого движения стал кабардинский князь Тагилустан Анзоров. Обманом и хитростью многих горцев удалось увезти в принадлежащую Турции Сирию. Из 15 селений Ингушетии в 1904 году переселилось в Турецкую империю 329 семей, или более тысячи человек¹.

Крестьяне, которые ходили в Мекку на богомолье, на своем пути видели и за пределами своей родины нищету и бесправие бедняков. Обычно такие крестьяне отказывались уезжать в чужие края. Еще в 1896 году крестьянин селения Барсуки Ини-Хаджи Сампиев писал начальнику Терской области, что он в числе других крестьян «ингушевского населения» просил разрешения переселиться в Турцию. «Теперь, — пишет он, — я одумался, будучи в Мекке в настоящем году. Я увидел тамошнюю жизнь, несравненно худшую против здешней... Семейство и прежде стояло против моего решения переселиться в Турцию, я теперь решительно не имею никакого желания переселяться»².

Попав в Сирию, горцы вскоре убедились, что они грубо обмануты. Вместо райской жизни они нашли там нищету и новое бесправие. О положении переселенцев-горцев сообщал в 1906 году русский консул в Дамаске. Вначале, по его утверждению, в Сирии появились убыхи, шапсуги и абазинцы из Кубанской области. Потом здесь стали поселяться кабардинцы, балкарцы, чеченцы и осетины, а из Закавказья грузины, исповедовавшие мусульманскую религию. В начале XX века переселенцев из России прибавилось, но причин этого явления консул не объясняет. По его утверждению, кавказские горцы, в том числе чеченцы и ингуши, создали 12 селений, в которых насчитывалось 2890 дворов³.

Какова же судьба тысяч горцев-крестьян, переселившихся в 1904 году в Сирию? Прожив несколько месяцев на новом месте, они поняли свое бедственное положение, обратились к своему предводителю Анзорову с требованием вывезти их обратно и «даже грозились убить его, если он этого не сделает»⁴. Турецкое правительство не

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 7, д. 5345, лл. 239—240.

² Там же, ф. 12, оп. 2, д. 695, л. 45.

³ См. там же, ф. 11, оп. 7, д. 5345, лл. 208—209.

⁴ Там же, л. 209.

выполнило своих обещаний — отказало в денежной помощи, не дало земли. Переселенцы просили валия (губернатора) Назим-пашу принять их в его вилает, «но из этого ничего не вышло, ибо Назим-паша, пообещав им все, на самом деле ничего не сделал». Кавказцы тогда обратились к своему соотечественнику, какому-то Муссебею Туганову, но и он ничем не помог. Русский консул писал: «...насколько мне известно, часть переселенцев-черкесов с благодарностью возвратилась бы в пределы России, если бы это им было разрешено, и даже мне приходилось слышать, как они говорили турецким чиновникам: если их станут преследовать, то они обратятся к своим, т. е. русскому консулу»¹. Таким образом, в «единоверной» Турции кавказские горцы не получили обещанных пахотных земель и пастбищ. Им было отказано и в материальной помощи. Для большинства горцев-переселенцев тяжелой оказалась жизнь на чужбине.

Колониальная политика российского самодержавия отражалась на экономическом развитии Чечено-Ингушетии. Колониальный гнет, с одной стороны, способствовал разрушению патриархального уклада хозяйственной и общественной жизни, а с другой стороны, приспособлял экономику Чечено-Ингушетии к нуждам растущего производства в центральных районах России. Царизм этим самым тормозил развитие экономики на окраинах своей империи, в том числе и в Чечено-Ингушетии. Вместе с этим капитализм ломал национальную замкнутость, вовлекал Чечено-Ингушетию во всероссийскую торговлю. «Кто не погряз в националистических предубеждениях, — писал В. И. Ленин, — тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России»². Эту ленинскую характеристику полностью нужно отнести к отсталой дореволюционной Чечено-Ингушетии.

В каком направлении развивалась экономика Чечено-Ингушетии? Можно привести следующие цифровые данные. В 1900 году из Терской области было вывезено хлебных грузов 16 386 549 пудов, вина виноградного 448 922 пуда, остальных грузов 7 907 131 пуд. Таким об-

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 7, д. 5345, л. 209.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 24, стр. 127.

разом, было вывезено 24 742 602 пуда, в основном сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, из Грозненского округа было вывезено 24 147 315 пудов нефтепродуктов, а всего около 49 миллионов пудов¹. Из Чечено-Ингушетии нефтепродукты отправлялись через Порт-Петровск (ныне Махачкала) на Астрахань, а сельскохозяйственные продукты — в Ростов, Москву, Петербург, Ригу, за границу. В том же 1900 году в Терскую область было ввезено различных товаров около 15 600 тысяч пудов. По своему весу вывоз превышал ввоз более чем в 3 раза².

В дальнейшем вывоз различного сырья из Чечено-Ингушетии значительно увеличился. В 1910 году было вывезено более 61 миллиона пудов различных грузов, в том числе почти 56 миллионов пудов нефти, 3,5 миллиона пудов хлеба. В том же году прибыло грузов в Чечено-Ингушетию только около 5 миллионов пудов, в 12 раз меньше по сравнению с вывозом³. Таким образом, с каждым годом разрыв между ввозом и вывозом становился все большим.

Из Чечено-Ингушетии прежде всего вывозили нефтепродукты, а затем — хлеб. В 1898 году только с железнодорожных станций Назрань, Самашкинская и Гудермес было отправлено 2702 тысячи пудов хлеба, в том числе 1604 тысячи пудов кукурузы. В 1913 году те же станции отгрузили 6113 тысяч пудов кукурузы и 703 тысячи пудов другого зерна⁴. За 15 лет вывоз кукурузы увеличился почти в 4 раза.

Эти цифры наглядно отражают колониальную политику царизма. Чечено-Ингушетия, как и другие окраины царской России, была только сырьевым придатком российского капитализма. Однако российский капитализм развивался не только вглубь, но и вширь, он проникал разными путями и в Чечено-Ингушетию. И на Северном Кавказе, в Грозненском нефтяном районе, появляются акционерные компании, заключаются монополистические соглашения, создаются картели, тресты, синдикаты. Наряду с другими объединяются и чеченские капиталисты,

¹ См.: Отчет начальника Терской области за 1900 год. Владикавказ, 1901, стр. 91.

² См. там же.

³ См.: Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911, стр. 141.

⁴ См.: Сводная статистика перевозок хлебных грузов по Владикавказской железной дороге (1893—1913). Пг., 1915, стр. 13, 49.

для того чтобы сильнее эксплуатировать народные массы, извлекать из своих предприятий наибольшие прибыли.

В 1910 году в Грозном было открыто общество взаимного кредита, в состав совета которого входили наряду с русскими денежными воротилами и такие, как И. Д. Арсанукаев, М. Т. Мациев, В. В. Синаев, А. Г. Эльмурзаев, Д. Мустафинов, А. Абдулкадыров и другие. В 1912 году общий оборот общества составлял 22 787 тысяч рублей, а через год равнялся уже 30 843 тысячам рублей¹.

В начале 1914 года крупнейшие чеченские капиталисты и землевладельцы основали в Грозном фирму «Староюртовская нефть». «Устав товарищества,— пишет Л. Н. Колосов,— свидетельствовал о том, что это была вполне современная акционерная компания со всеми атрибутами последней: паями и акциями, учредителями и учредительской прибылью, годовыми собраниями и периодической отчетностью»². Крупные дельцы в Грозном распоряжались большим недвижимым имуществом и капиталами. Недвижимое имущество А. А. Вишневого в 1907 году оценивалось в 32 165 рублей, а его ежегодный доход, по официальным данным, равнялся 10 755 рублям. Недвижимой собственности у З. Г. Тамурова было на 42 600 рублей, у Н. А. Чернявской — на 35 тысяч, у А. Я. Бермана — на 105 тысяч рублей, у В. Г. Светниковой — на 60 тысяч рублей. Промышленник Д. М. Фаниев, имевший механический и чугунолитейный заводы, владел большой недвижимой собственностью³. Нет надобности говорить о нефтепромышленниках, капиталы которых состояли из сотен тысяч рублей.

Развивающиеся капиталистические отношения в сельском хозяйстве вносили изменения и в крупное землевладение. В Чечено-Ингушетии были крупные землевладельцы из числа местной родовитой знати — Бековичи-Черкасские, Базоркины, Алхазовы, Турловы, Шамурзиевы и другие. Титулованные особы — князья и крупные землевладельцы, получившие земли из царских рук, не смогли приспособиться к новым капиталистическим отношениям,

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 183, оп. 1, д. 1, л. 3.

² Л. Н. Колосов. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма. — Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 4, вып. 1. Грозный, 1964, стр. 45.

³ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 1, оп. 1, д. 20, лл. 81—89, 156—159.

вести свои хозяйства на новой основе, и их владения становились собственностью предприимчивых дельцов. Земли дробились и переходили к другим хозяевам. Так, большой земельный участок князей Алхазовых в Грозненском округе из поколения в поколение переходил по наследству, но наконец был продан некоему К. Э. Яковлеву. В этом же округе 4310 десятин Бековичей-Черкасских также перешли в другие руки: в 1907 году 2708 десятин оказалось во владении Донского земельного банка, а 1602 десятины в 1911 году купили 48 крестьян и мещан-тавричан. В Сунженском отделе участок земли в 6150 десятин принадлежал Таймазовым. В 1873 году 1075 десятин из этого участка стало собственностью полковника Абу Вагапа; в 1901 году 2906 десятин купил овцевод Ф. Мазаев; в 1911 году остатки приобрели внуки Мазаева. В том же отделе 2001 десятину у князей Турловых в 1901 году купили те же Мазаевы. Земли майора Ш. Эльмурзаева перешли к кумыку М. Х. Мурзабекову и чеченцу М. Т. Мациеву¹.

То же явление наблюдалось и среди богатого казачества. В Кизлярском отделе в 1911 году земельный участок сотника Бычкова перешел во владение коллежского секретаря Пукалова; участок вдовы хорунжего Бояринцевой купили грозненские мещане Долгих и Рамзин. Сотник К. Синюхаев продал более 100 десятин купцам Адамову и Чернявскому².

Таким образом, на смену князьям и царским генералам — бывшим крупным землевладельцам — пришли «чумазые лендлорды», щедринские «разуваевы». Среди них колоритной фигурой были «крестьяне» Мазаевы, имевшие до 10 тысяч десятин земли, десятки тысяч овец. Их огромное хозяйство обслуживали батраки-казаки, горцы и крестьяне-переселенцы.

В Чечено-Ингушетии развивается торговля, появляются мелкие и средние торговцы, крупные купцы-миллионеры. Торговцы продавали в аулах и станицах гнилой, залежавшийся товар, обвешивали и обмеривали неграмотных людей. Давая в долг товары, торгаши за бесценок покупали у крестьян и казаков продукты земледелия и скотоводства.

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 32, оп. 1, д. 1394, лл. 32—35.

² См. там же.

В последней четверти XIX века в чеченских и ингушских аулах, а также в станицах развивается лавочная торговля. В аульных лавках торговые обороты были небольшие. В селении Бердыкель мануфактурно-табачная лавка принадлежала М. Тапсуркаеву и давала 750 рублей торгового оборота в год. В селении Устар-Гордой две «табачно-мелочные» лавки принадлежали чеченцам и давали 1200 рублей торгового оборота в год. В Старом Юрте действовало 7, в слободе Воздвиженской — 6, в Шатоевской — 7 лавок¹. Более крупные обороты имели лавки в казачьих станицах. В Александровской оборот 10 торговых заведений достигал 35 тысяч рублей. В станицу Наурскую ежегодно завозилось из Москвы, Армавира и Грозного товаров на 150—200 тысяч рублей.

Почти во всех станицах торговали горцы, в том числе чеченцы и ингуши. Многие приобрели патенты для розничной продажи папирос и табака. В 1901 году в слободе Веденской таких торговцев было 11, в Шатоевской — 10, в более мелких селениях — по 1—2 человека. Только в 1901 году в Кизлярском отделе, Грозненском и Хасав-Юртовском округах было выдано 704 годовых патента и 82 полугодовых на продажу табака. И если в этом году по Грозненскому округу патентов было выдано 66 и из них 41 патент купили чеченцы, то в 1909 году число патентов выросло до 517, из них 211 выбрали чеченцы². О развитии торговли в селах и аулах можно судить по таким данным. В 1902 году в Грозненском округе насчитывалось 737 торговых заведений, а в 1912 году (включая выделившийся Веденский округ) их было уже 896.

Власть денег чувствовалась на каждом шагу. Их владельцы, отказавшись от кубышек, открывали личные счета в банках и сберкассах. С конца мая 1891 года по декабрь 1892 года в Грозненскую сберкассу 499 вкладчиков внесли около 30 тысяч рублей. Почти все вклады были небольшими. Вкладчиками состояли 159 младших воинских чинов, 69 офицеров, 71 служащий, 29 горожан, 21 купец, 116 казаков, 12 священников, 172 крестьянина и 4 дворника³. К 1906 году вклады в ту же кассу увеличи-

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 8, оп. 14, д. 389, лл. 16—18, 84—89.

² См. там же, ф. 14, оп. 1, д. 108, лл. 86—87; д. 112, лл. 27—82.

³ См. там же, ф. 9, оп. 1, д. 1, лл. 1—99.

лись в 10 раз, а их размеры возросли до сотен рублей¹. В 1911 году в Грозненской сберкассе состоял 9631 вкладчик, а сумма вкладов перевалила за 2 миллиона рублей². Однако вкладчиков по сравнению со всем населением было очень мало. Ведь у весьма многих часто не хватало денег на покупку спичек и керосина. У крестьян нагорной полосы деньги являлись редким гостем. Они жили натуральным хозяйством, а капиталистические отношения едва проникали в заброшенные горные аулы. Не только горные аулы, но и казачьи станицы, расположенные вдали от городов и железной дороги, жили на основе мелкотоварного производства.

Таким образом, колониальная политика российского самодержавия сковывала развитие экономики, культуры и общественной жизни в Чечено-Ингушетии. Ее народы были обречены на голод и даже вымирание. Угнетению и отсталости горских крестьян помогал так называемый передовой российский капитализм, который срашивался и переплетался с черносотенно-октябристским, «допотопным, жадным и жестоким капитализмом первоначального накопления, действовавшим как в промышленности, так и в сельском хозяйстве в разных видах: в нефтяной промышленности в виде промысловых купцов, владельцев продовольственных лавок, торговавших испорченной рыбой и залежавшейся колбасой, спаивающих рабочих сивухой, подрядчиков, среди которых были и русские, и чеченцы, и ингуши»³. В сельской местности орудовали ростовщики, дававшие горцам в долг деньги за баснословные проценты, торговцы, продававшие свои товары втридорога и за бесценок покупавшие сельскохозяйственные продукты. Всеми униженный горец всегда находился в долгах, зависел от сельского мироеда или властью поставленного старшины. Чечено-Ингушетия поистине была краем беспросветной нужды.

* * *

Многие путешественники называли Северный Кавказ не иначе, как обетованным краем. Чудесную красоту его

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 9, оп. 1, д. 6, лл. 3—51.

² См.: Кавказский календарь на 1913 год. Тифлис, 1912, стр. 293.

³ Л. Н. Колосов. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907—1917 годы). Грозный, 1968, стр. 171.

природы воспели в стихах Пушкин и Лермонтов. Но немногие из побывавших на Кавказе вникали в жизнь, быт и правовое положение горца. Один из современников, фамилия которого нам неизвестна, в начале XX века писал о бедности и бесправии горцев, о том, что царское правительство не обращает никакого внимания на окраины своего государства. «Разве Россия, — вопрошал он, — не один великий организм, и забота о какой бы то ни было части ее великого тела не есть ли в то же время и забота о целом?» Правительство не видит, что со всех сторон нагрянули иностранцы-капиталисты, расхищающие природные богатства Кавказа, а местное русское население и горцы в скором времени «обратятся в кабальный пролетариат». В недалеком прошлом «дивную родину» горцев, их быт, «старую дикую свободу, обычаи, душевные качества обессмертили в своих творениях титаны родной поэзии Пушкин и Лермонтов. Под чарующим обаянием образов Измаил-бея, Хаджи-абрека, Казбича, Беллы и др. на горцев смотрело десятки лет все русское общество сквозь поэтическую призму... Но время поэзии прошло безвозвратно. Наступило время суровой прозы».

Представители прогрессивного русского общества, знавшие Кавказ и его обитателей, за внешней красотой кавказской природы видели и народное горе. Выше цитированный автор, как бы перекликаясь с ними, глубоко сочувствовал горцам. «Горцы, — писал он, — такие же поселяне, как и коренное русское крестьянство». Как те, так и другие находятся в одинаковом положении, хотя русским крестьянам живется сравнительно лучше. Но если у крестьян существуют наболевшие вопросы, то у горцев они существуют еще в более «острой форме, без всякой надежды на их разрешение даже в отдаленном будущем». Неизвестный автор также отмечал, что горцы своим умом, своим трудолюбием ничем не отличаются от других народов. «Природа, — писал автор записки, — не обидела горцев в способности к развитию и к восприятию начал русской гражданственности. За последние 40 лет вся жизнь резко изменилась. Трудовое начало взяло верх в сознании масс, и они покрыли всю страну многочисленными благоустроенными селами; горцы занялись торговлей, сельским хозяйством, достигли высокого со-

вершенства в кустарных промыслах, устремились за последние годы на путь просвещения»¹.

Однако на пути экономического и культурного развития горского аула стояли царские офицеры и чиновники, многочисленные представители полицейской власти, создававшие тяжелые условия для жизни горца. Петля колониализма, наброшенная на шею горцев, все больше и больше затягивалась.

В 80-х годах появилось много законодательных актов, инструкций и наставлений, которые регламентировали буквально каждый шаг горцев. В 90-х годах последовало еще больше распоряжений царской администрации, которые лишали горцев самых элементарных прав. Специальный циркуляр начальника Терской области в 1891 году запрещал проживание горцев одной национальности на землях другой национальности. Теперь местные власти силой уничтожали хутора и выселки чеченцев на землях ингушей, и наоборот. Горцам-чеченцам не только запретили уходить по хозяйственным надобностям за Сунжу и Терек, но даже проживать в слободах и городах области. 14 мая 1893 года царь утвердил решение Государственного совета, на основании которого горцам, не состоящим на государственной службе или не офицерского звания, запрещалось селиться и владеть недвижимым имуществом в некоторых населенных пунктах Терской области². Горцы уже не имели права жить в городе Грозном и в слободе Воздвиженской, Шатое и Ведено. Подлежавшие выселению из этих пунктов должны были продать свое недвижимое имущество в течение года. При несогласии владельца продать его оно отбиралось в пользу казны³.

Как же на местах выполнялось распоряжение о выселении горцев из городов и слобод? «Прежде всего власти поголовно стали гнать туземцев из городов и слобод на места приписки, не обращая внимания ни на их торговые занятия, ни на подрядные обязательства или частную службу, ни даже на то, что громадное большинство поселившихся в городах и слободах туземцев, не имея уже в аулах никакой собственности, никаких средств к существованию, хоть поденщиной, хоть мелочной город-

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 224, оп. 1, д. 7, лл. 4—5.

² См.: «Терские ведомости», 1893, № 81.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 10, д. 6126, л. 7.

ской работой добывало себе какое ни на есть пропитание»¹. При выселении горцев из городов и слобод царские власти не считались ни с чем. «В холодную осень,— писал К. Хетагуров, — весеннюю распутицу, под душу раздирающие вопли дряхлых стариков, плач женщин и детей местная полиция разрушала их хатенки, ломала и разбивала их убогую утварь и, как зачумленных, гнала их вон за околицы... Куда?»² И все это делалось на виду у начальства, об этом знала и на это поощряла полицию кавказская администрация. Выселенным горцам запрещалось при посещении городов и слобод оставаться на ночь в гостиницах или у знакомых.

Жестокая колониальная политика царизма возмущала горцев. В 1897 году крестьяне 18 селений, примыкавших к городу Грозному, более 20 тысяч человек, обратились с жалобой к главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. «Соединившись с Россией,— писали они,— и подчинившись ее законам, горцы сделались такими же подданными русского царя, как и все коренное население России». Поэтому горцы вправе были ожидать, что «существование наше в империи совершенно обеспечит нам неприкосновенность нашей личности и имущества и поставит нас, как и прочих всех граждан, в правильные условия проявления личности в смысле свободной деятельности в строгих пределах закона». В этой жалобе крестьяне-чеченцы многого не требовали. Они желали, чтобы и куцые права, которыми пользовались русские крестьяне, распространялись бы на них. Но этого, жаловались горцы, не было и нет. Горцы лишены прав свободного передвижения, свободного труда и, наконец, свободного пользования собственностью³.

Крестьяне 18 селений резко критиковали закон от 14 мая 1893 года, по которому подрядчикам, ремесленникам и служащим из горцев запрещалось проживать в городах и слободах. Это распоряжение пагубно повлияло на массы населения, «отняв у лучших культурных элементов возможность еще большего сближения с русским народом и распространения гражданственности и цивилизации среди своих единомышленников»⁴. Запрещая посе-

¹ К. Хетагуров. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. М., 1960, стр. 207.

² Там же.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 6, д. 4756, л. 13.

⁴ Там же, д. 4836, л. 2.

шать города и слободы, царские власти лишали горцев самых элементарных прав. Авторы жалобы доказывали начальству, что город Грозный не только окружной административный центр, где находятся полицейские учреждения и должностные лица, но и центр экономической жизни. Грозненские базары и ярмарки крайне необходимы для горца, которого нужда заставляет сбывать скудные запасы сельскохозяйственных продуктов и приобрести то, что отсутствует в ауле¹.

Еще князь Барятинский обещал чеченскому народу, что он будет в своих аулах выбирать старшин. На практике в аулах никаких выборных начал не существовало. Если в некоторых плоскостных селениях и была выборность, то старшинами всегда оказывались царские офицеры или кулаки, усердно проводившие колониальную политику на местах. Вплоть до Октябрьской социалистической революции аульные старшины и писари, как правило, назначались администрацией из людей с сомнительной репутацией, к тому же не знавших языка, нравов и обычаев горцев. В 1898 году доверенные Галашевского общества писали начальнику Терской области, что у них сменяется третий русский старшина, который не оправдывает желаемой для горцев цели и вводит их в большие расходы. Старшина получал от крестьян 180 рублей жалования, для него же нанимали лошадь за 60 рублей, предоставляли бесплатную квартиру, отопление и освещение. Кроме других расходов, еще оплачивали переводчика. Старшина из русских, по словам крестьян, слишком дорого им обходился, да и к самой службе относился прохладно. В заключение галашевские крестьяне писали, что «непорочный старшина из ингушей может составить такую же пользу»². В жалобе ничего не говорилось о притеснениях и взятках русского старшины, о его бездумном отношении к нуждам и запросам горцев. Атаман Сунженского отдела ответил жалобщикам, что «держат в повиновении весь этот смешанный люд старшина из туземцев не может, да и не может пользоваться таким же доверием администрации, как бы пользовался русский»³. Однако старшины из русских или горцев по сути ничем не отличались друг от друга. Эти «блудители»

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 6, д. 4836, л. 5.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 5.

порядка являлись тяжелым бременем для народа. «Легко себе представить, — писал К. Хетагуров, — каким авторитетом пользуются в туземных аулах старшины из казачьих урядников, в большинстве случаев постоянно пьяные, грубые в действиях и омерзительно непристойные в выражениях... Не следует при этом забывать и то, что старшины, назначавшиеся прежде по выбору, ограничивались жалованием в 150 — 200 — 300 руб., а теперь назначаемым администрацией старшинам обществу приходится платить 500 — 600 рублей при квартире с отоплением, освещением и прислугой»¹.

Участковые и окружные начальники, стоявшие над старшинами, по своим нравственным качествам мало чем отличались от своих младших собратьев. Они смотрели на свою должность прежде всего как на важный источник наживы. Они считали, что горцы находятся в «диком состоянии», а поэтому и относились к ним самым жестоким образом. Обычно участковыми начальниками шли такие люди, которые давно потеряли добропорядочную репутацию, даже среди низшего чиновничества. В 1910 году помощник начальника Терской области доносил главнокомандующему войсками Кавказского военного округа, что из 23 участковых начальников можно признать стоящими и работоспособными не более 6—7. Остальные же укомплектованы уволенными из строевых частей офицерами, бывшими околоточными надзирателями и бывшими писарями областного правления. Одним словом, на эти должности «теперь идут преимущественно люди, гонимые нуждою и голодом и потерявшие надежду устроиться где-либо»². Пропойцы и бездельники управляли горцами. Бывшие околоточные и писари областных учреждений, получив власть над народом, особенно горцами, сразу же стали непокорных карать, других за взятки, раболепие миловать.

Колоритной фигурой среди продажного чиновничества был Ханжалов, сделавший карьеру от начальника участка до начальника округа. В 90-х годах он долгое время был участковым начальником Владикавказского округа. Отъявленный изувер и взяточник, Ханжалов держал народ в постоянном страхе. В анонимном пись-

¹ К. Хетагуров. Т. 4, стр. 196.

² Рукописный отдел ЧИНИИИЯЛ (из ЦГА Грузинской ССР, ф. 13. оп. 15, д. 1702, л. 14).

ме говорилось, что Ханжалов «спокойно творит беззакония и, придерживаясь своему сребролюбию, берет себе солидные взятки по несколько сот рублей в каждый раз и для этой корыстной цели властью своею уничтожает безжалостно все, что на пути встречается препятствием»¹. Ханжалова не только не наказали за взятки, но и повысили в должности. В революцию 1905—1907 годов, как начальник округа, Ханжалов жестоко расправлялся с рабочими и крестьянами.

Страшной фигурой для народных масс являлся начальник Веденского округа подполковник Добровольский. Как участковый начальник Сунженского отдела, он наводил ужас на ингушское население. В 1901 году в селении Кантышево без суда и следствия он убил бежавшего из Сибири абрека Даурбекова. В том же году крестьянина из селения Гамурзиево Г. Мальсагова, сидевшего на Назрановской гауптвахте, Добровольский избил до полусмерти². Став начальником Веденского округа, он жестоко расправлялся с горцами: многих отправил в грозненскую тюрьму, других посадил на местную гауптвахту, третьих сотнями сослал в Сибирь. В 1906 году Добровольский был убит абреком Зелимханом.

Чиновники бесчинствовали не только в Чечено-Ингушетии. «Ни в одной стране, — писал В. И. Ленин, — нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес, — простому рабочему человеку никогда не продрасться через этот лес, никогда не добиться правды. Ни одна жалоба на чиновников за взятки, грабежи и насилия не доходит до света: всякую жалобу сводит на нет казенная волокита. Голос одинокого человека никогда не доходит до всего народа, а теряется в этой темной чаще, душитесь в полицейском застенке. Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи»³.

Пользуясь неограниченной властью, аульные старшины и царские чиновники самолично вершили суд и расправу над беззащитными горцами. Одной из форм рас-

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 8, д. 235, л. 1.

² См. там же, ф. 20, оп. 1, д. 1698, лл. 3—6; д. 1741, л. 25

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 7, стр. 137.

правы была высылка горцев за пределы области — в Сибирь, в Центральную Россию или на остров Чечень. В большинстве случаев это происходило без всякого повода и основания. Как правило, высылали в административном порядке людей «не за профессиональное воровство, грабежи, ростовщичество или неуживчивый, буйный характер, нет! — пишет К. Хетагуров. — Стоит аульному старшине, по тем или другим соображениям, донести по начальству, что он «бунтовщик», как его уже требуют в округ, сажают под арест, а затем без суда и следствия препровождают на остров на срок от одного до четырех и более лет, смотря по степени проявления самостоятельности»¹.

Если горец где-то высказал свое неудовольствие, если он слегка покритиковал местные порядки, если он выступил на защиту слабого, — за все это местные власти такого «бунтовщика» изолировали от крестьянского общества. Обычно высылали из родного аула честного труженика, не мирившегося с произволом старшины или царской администрации. Это были, говорит современник, «натуры недюжинные, честные, правдивые и уважаемые обществом; чем их влияние на общество больше, тем они скорее попадают в немилость, и уже ни возраст, ни семейное их положение, ни коллективная просьба общества не спасают их от перемещения»², то есть от выселения.

Для того чтобы непокорного горца изолировать без особых казенных затрат, его ссылали за 150—200 верст от родных мест, на каспийский остров Чечень. По условиям жизни сосланных современники сравнивали этот остров с далеким Сахалином. В бараках, рассчитанных на 100 человек, поселяли по 150 и больше ссыльных. «Лишенные на целую зиму воздуха, тепла и света, питаясь круглый год самой отвратительной пищей, не имея глотка пресной воды, им никогда не позволяют отлучиться от казармы, не позволяют заниматься наряду с промысловыми рабочими рыбной и тюленьей охотой — словом, лишают их всякой возможности применения даже мышечной силы, не говоря уже о каком бы то ни было духовно-нравственном усовершенствовании»³.

¹ К. Хетагуров. Т. 4, стр. 98.

² Там же.

³ Там же, стр. 98—99.

Привычный к чистому горному воздуху, пышной растительности, свежей пище и ключевой воде сосланный на остров горец заболел, его организм быстро разрушался. Ни о какой медицинской помощи не могло быть и речи. Почти никто из высланных на остров не выдерживал установленного срока пребывания. Большинство там умирало. Поэтому сосланных на этот остров людей в народе считали «заживо погребенными». В Центральном государственном архиве Северной Осетии имеются тысячи дел о сосланных на «остров смерти», об их страданиях.

Многочисленные суды чинили расправу над народными массами. Только в 1900 году, по официальным данным, «за сопротивление распоряжениям и оскорбление правительственных и должностных лиц» в окружных судах Терской области было осуждено 149 человек, а в мировых и других судах 1033 человека, что составляло 12,4 процента ко всем осужденным¹. Вплоть до Октябрьской социалистической революции росло число осужденных. В 1908 году в окружных, мировых и горских словесных судах было осуждено 10 091 человек, а в 1912 году — 12 385 человек². Кроме этих судов, существовали слободские, станичные и сельские, в которых разбирались дела о мелких кражах и других незначительных преступлениях. В 1908 году этими судами было осуждено 10 144 человека, а в 1912 году — 9790 человек³. Много активных участников первой русской революции прошло через царские судилища, а скольких без суда и следствия выслали административным путем!

Терская администрация считала нарушителями спокойствия только горцев. Все случаи воровства, грабежа или разбоя приписывались им. Поэтому большинство осужденных были горцами. Чаще всего их обвиняли в хищениях скота, лошадей и вообще казачьего имущества. Однако цифровые данные говорят об обратном. Известно, что в Сунженском и Кизлярском отделах жили казаки, а в Веденском, Грозненском и Назрановском округах — горцы. И вот, по официальным отчетам,

¹ См.: Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900, стр. 47.

² См.: Терский календарь на 1910 год. Владикавказ, 1909, стр. 62—63; Терский календарь на 1914 год. Владикавказ, 1913, стр. 98—99.

³ См. там же.

в 1908 году в отделах было украдено 523 головы рогатого скота и лошадей, а в округах 533 головы скота. В 1912 году в отделах увели 339 голов, а в округах — 671 голову¹. Следовательно, в округах больше происходило краж скота, чем в отделах. От краж материальный урон несли больше горцы, чем казаки. Если учесть, что не все кражи у чеченцев и ингушей учитывались, то их материальный урон был еще более ошутим. Несомненно, что воры-конокрады были как с той, так и с другой стороны. Несмотря на это, царские чиновники всячески ущемляли человеческое достоинство горцев, всегда видели в них потенциальных конокрадов.

Естественно, что шесть тюрем Терской области были переполнены. В годы революции шесть гауптвахт также превратили в тюрьмы. В 1908 году в тюрьмах и на гауптвахтах томились 11 439 заключенных, а в 1912 году только в тюрьмах сидело 11 258 человек². Если для всех заключенных тюремные условия были тяжелыми, то для горцев вообще невыносимыми. Большая скученность в камерах, антисанитарные условия и скудная пища — все это вело к массовым заболеваниям и большой смертности.

Кроме обыкновенных, существовали еще военно-полевые суды. Десятки и сотни абреков не знали от них пощады, им выносили высшую меру наказания или в лучшем случае ссылали в Сибирь.

Царские чиновники всячески натравливали казачье население на горцев. Известно, что между казаками и горцами издавна повелся обычай куначества. Многие казаки породнились с чеченцами и ингушами. Однако любое столкновение на меже, порубка леса, погрома пашни — все это разжигалось чиновниками и официальной печатью до больших размеров. Часть казаков поддавалась на провокации.

Царская администрация сознательно насаждала и укрепляла круговую поруку горцев. Часто за убитого урядника или чиновника отвечал не подозреваемый в убийстве, а целый аул, несколько селений, а иногда и все население округа. Так, когда в июне 1908 года Зелимхан убил начальника Веденского округа подполковника Галаева, терское начальство распорядилось собрать с на-

¹ См. терские календари за указанные годы.

² См. там же.

селения этого округа особый «капитал» в 16 426 рублей для борьбы с абреками¹.

Круговую поруку особенно стали насаждать в изучаемое время. Горцы всякого аула, в пределы земель которого приведут следы украденного скота, должны вывести эти следы за черту своих земельных владений, или выдать преступника, или возместить ущерб. На нелепость круговой поруки обращали внимание еще современники. Если даже допустить, что «следы преступления действительно в данном поселении,— писал К. Хетагуров, — то разве все-таки возможно требовать от жителей, чтобы они знали каждый шаг каждого своего односельца»².

Обычно круговая порука разоряла крестьянские хозяйства. Как правило, штрафы раскладывали поровну, не считаясь с материальным положением каждого: одинаково платили штраф и бедная вдова, и кулак-мироед, и сам вор, если он находился в данном селении. Были случаи, когда отдельные небольшие аулы вносили «за следы» по 25 — 30 рублей с каждой семьи.

Колониальная политика царизма очень ярко видна в податном обложении горцев. Так, по данным 1889 года, 40 тысяч ингушей уплатили³:

1. Подымной подати	17 312	рублей
2. Налога взамен воинской повинности	3 638	»
3. За земскую почту	5 136	»
4. На врачебную часть	1 680	»
5. На содержание должностных лиц	25 652	»
6. На содержание духовенства	7 391	»
7. Штрафов	7 000	»
8. За «доведение следов»	4 500	»
Всего	72 309	»

Эти данные убедительно показывают, что с каждого члена ингушской семьи — молодого и старого — взыскивали в год до двух рублей. Подсчитано, что с 1890 по 1895 год население Терской области внесло на мирские и земские потребности более полутора миллионов рублей. Через двадцать лет денежные платежи горцев значительно выросли. В целом население области в 1915 году

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3273, л. 29.

² К. Хетагуров. Т. 4, стр. 19.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 224, оп. 1, д. 32, л. 4.

должно было уплатить податей, повинностей с недоимками более двух миллионов рублей¹.

Чтобы держать горцев в повиновении, взыскивать с них подати и всевозможные штрафы, применялись различные формы насилия. При малейшем неповиновении местной власти посылались карательные отряды. Если начальству казалось, что такая мера наказания недостаточна, в селения ставили на продолжительное время экзекуционные отряды. Их полностью должны были содержать горцы. Нередко силой отбирали оружие поголовно у населения целого округа. По усмотрению начальства крестьян-горцев в виде наказания расселяли по разным селениям другого округа, выселяли за пределы области, на остров Чечень, во внутренние губернии России, в Сибирь. Наказывались горцы и телесно. К этому надо добавить убийства горцев без суда и следствия, расстрелы и повешения по приговорам судов.

Разжигать национальную рознь царизму объективно помогало мусульманское духовенство. Хотя оно проповедовало ненависть к царизму и немусульманам, больше всего к русскому народу, ничего не имевшему общего с российским самодержавием, духовенство служило целям реакции. Шейхи и муллы смыкались с царизмом в том, что сеяли рознь среди народов. Верхушка мусульманского духовенства боролась не за чистоту соблюдения Корана, а за личное обогащение. Многочисленными поборами и взятками шейхи и муллы обкрадывали свой народ, помогали обнищанию горцев. Особо неистовствовала секта зикристов, члены которой жестоко избивали крестьян-горцев, не желавших принимать их религиозные догмы.

Зикристы, по утверждению современника, представляли из себя мусульманских прыгунов или хлыстов. В Константинополе секта имела свои две мечети, так как ее членов не допускали в другие, «не считая их правоверными мусульманами»². Секта зикристов появилась более ста лет назад, число ее приверженцев все время росло. В начале XX века глава этой секты Бамат-Гирей-Хаджи — ловкий делец и проходимец — дурачил своей

¹ См.: Служебно-статистический отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1915 год. Владикавказ, 1916, стр. 35. (Рукописный отдел ЧИНИИЯЛ).

² ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 15, д. 9154, лл. 47—53.

святостью простой народ. На тех местах, где он совершал свои моления, люди ставили ограды. В 1909 году чиновник, обследовавший Веденский округ, отмечал, что почти на всем пути к селению Саясан ему приходилось встречать места, огороженные плетнем или забором, считавшиеся населением священными, так как там молился Бамат-Гирей-Хаджи. И это делали крестьяне, которые дорожили каждым клочком и вынуждены были из-за недостатка удобной земли собирать сено на самых крутых горных скатах.

Стремясь захватить власть в свои руки, зикристы имели свою вооруженную команду, которая под видом реквизиции винтовок производила обыски по ночам, обижала и грабила горцев-незикристов. Тысячи людей преследовались этой сектой. Целые общества Веденского и Грозненского округов, отдельные муллы жаловались царскому начальству на злодеяния зикристов. Они часто врывались в мечети и, по словам одного муллы, «останавливали богослужение и даже выгоняли из мечети молящихся и муллу, например в селении Устар-Гордой»¹.

Временный генерал-губернатор Терской области Коллюбякин, подавивший в крови выступления рабочих и крестьян в революцию 1905 — 1907 годов, использовал многих зикристов как шпионов и доносчиков. Пользуясь его покровительством, сам шейх Бамат-Гирей-Хаджи принимал обильные пожертвования, жил в роскоши и довольстве.

Заботясь о себе, шейхи и муллы забывали о народе. Они держали его в темноте и невежестве, стояли на пути его просвещения и этим помогали тому же царизму. Они поддерживали медресе, в которых на арабском языке ученики зубрили непонятные для них молитвы, и в то же время непримиримо боролись против светского образования. Несколько светских горских школ в Терской области не могли решить проблему грамотности населения. Только богатые горцы, горские офицеры обучали своих детей в русских гимназиях и высших учебных заведениях.

Мусульманское духовенство было противником помощи со стороны врачей и фельдшеров, пыталось само ее оказывать.

Таким образом, борьба шейхов, мулл и кадиев за

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 15, д. 9154, л. 53.

влияние на народ, за свое личное обогащение ослабляла национально-освободительную борьбу, разъединяла крестьян, мешала сплочению горцев с русским народом для общей борьбы против царизма и эксплуататоров.

В годы гражданской войны Асланбек Шерипов резко критиковал мусульманское духовенство. В известном обращении «Ко всем честным чеченцам» в декабре 1918 года он говорил, что после падения царского трона горцы отдали судьбу Чечни в руки шейхов и мулл, которые вместо того, чтобы молиться, «стали спорить из-за власти и мирских благ», а решая «народные дела, они всегда исходят из личных, а не народных интересов». Мусульманскому духовенству нужно, «чтобы вы на них работали как рабы, чтобы приносили им дары и чтобы им можно было бы жить дармоедами да богачами». В заключение А. Шерипов писал: «Чеченцы! Вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей. Неправда. Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не вашими трудами живут они?.. Шейхов и мулл всегда поддерживали чеченские купцы, подрядчики, спекулянты и мародеры»¹.

После горцев в тяжелом положении находились русские крестьяне, жившие в пределах Терской области. Жизнь крестьян можно проследить на небольшом селении Шелкозаводском Кизлярского отдела. В 1912 году в этом селении проживало 206 мужчин и 188 женщин². Они имели 120 десятин собственной земли, из которой 15 десятин находилось под усадьбами, 5 десятин под виноградниками и 100 десятин под пашней. На мужскую душу (женщин земельным наделом не наделяли) приходилось 0,5 десятины пахотной земли³. Большой вред пахотным землям наносил Терек, постоянно менявший русло или заливавший поля и огороды во время разливов. Еще в 1899 году крестьяне этого селения жаловались, что Терек лишает их лучших угодий, поэтому они вынуждены арендовать покосы и пашни у землевладельцев за высокую плату.

До 1913 года крестьяне арендовали 700 десятин земли по 1 рублю 50 копеек, а с 1914 года — по 2 рубля за десятину⁴. Крестьяне несли многочисленные денежные и

¹ А. Шерипов. Статьи и речи. Грозный, 1961, стр. 82—84.

² См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 65, оп. 1, д. 22, л. 1.

³ См. там же, д. 24, л. 14.

⁴ См. там же, д. 16, л. 25.

натуральные повинности. В 1903 году 63 домохозяйина уплатили на содержание волостного правления 130 рублей, на содержание сельского старосты, писаря и сторожа 230 рублей, внесли государственного земельного налога 554 рубля — всего 969 рублей. Таким образом, на каждый двор приходилось по 15 рублей 22 копейки денежных повинностей¹. Крестьянские расходы еще больше увеличились, когда в 1908 году для строительства одно-классного училища продали 8 десятин земли за 500 рублей и 700 рублей собрали по раскладке на каждый двор. Ежегодно на содержание этого училища крестьяне платили 317 рублей².

Обременительными были натуральные повинности. В 1911 году крестьяне этого селения выставили 110 подвод со 110 ездовыми; 55 человек ремонтировали дороги и укрепляли берега Терека. Кроме того, каждую ночь составлялся караул из 3 человек при сельском правлении. Если все учесть, то один двор вносил в течение года 32 рубля 70 копеек.

Первая империалистическая война разорила крестьянские хозяйства. Трудоспособные мужчины ушли на войну, в селах остались женщины, старики и дети. В январе 1917 года староста селения сообщал атаману Кизлярского отдела, что у них мобилизовали 40 человек «и в настоящее время осталось вместе со стариками и малолетками 40 человек, из них 30 человек тяглых душ, которые должны оплачивать сельское волостное правление и другие разные денежные повинности. На каждую душу по раскладке причитается в год 40 рублей тех и других денежных повинностей. Уплата денег этих каждому становится непосильной...»³

С уплатой денежных повинностей местные власти не шутили. Еще в 1899 году даже атаман Кизлярского отдела вынужден был отметить, что в некоторых селениях и станицах практикуются мероприятия, противные «духу законности». Атаман сообщал, что денежная недоимка «взыскивается через ограбление предметов домашнего обихода из имущества неисправных плательщиков»⁴. Ко-

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 65, оп. 1, д. 16, л. 25.

² См. там же, д. 16, лл. 89—90; д. 23, л. 6; д. 24, л. 23.

³ Там же, д. 2, л. 125.

⁴ ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 65, оп. 1, д. 3, лл. 5—6.

нечно, атаман никаких радикальных мер не предложил, а лишь посоветовал полицейским впредь делать описи имущества, которое должно продаваться с молотка.

Недоимщиков среди иногородних было много. Большинство не имело лошадей. У некоторых, кроме дома, крытого землей, ничего не было. Так, в селении Шелкозаводском в пяти хозяйствах числилось по одной корове, другие хозяйства владели парой волов и коровой. В то же время в селении жили довольно зажиточные крестьяне и кулаки. В 1915 году Алексей Молочков имел 29 голов скота и 7 лошадей, Никита Чалов — 18 голов скота и 2 лошади. У бывшего сельского старосты Федора Емельянова было 30 голов скота, 68 овец, 4 лошади. Зажиточные владели добротными домами, крытыми черепицей и застрахованными по 300—1000 рублей каждый¹. На примере селения Шелкозаводского можно представить положение крестьян в других селениях.

В привилегированном положении находилось казачество. Однако в изучаемое время рельефно обозначились классовые различия между богатыми и бедными казаками. Офицеры, станичные атаманы, атаманы отделов, имевшие собственные земельные угодья, сотни голов скота, большие отары овец, косяки лошадей и получавшие большое жалование, а также станичные кулаки — все они являлись опорой самодержавия. Положение рядового казака-бедняка было незавидным. В конце XIX — начале XX века появился ряд положений и инструкций, которые права казаков сводили до минимума, а их обязанности — до максимума. Положение от 1891 года давало атаманам широкие права. К «нерадивым» казакам они имели право применять репрессивные меры, отдавать их на посторонние заработки, распоряжаться заработанным, назначать опекунов; продавать имущество «нерадивых»; лишать на известный срок земельных паев². Коротко говоря, часть казаков была поставлена в тяжелые условия. Посылал на заработки своих крепостных помещик. Такое положение сохранилось и в казачьем войске.

Рядовое казачество выполняло многочисленные повинности, делившиеся на «общие по войску», «собственно станичные» и «хозяйственные». Казакам вменялось в

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 65, оп. 1, д. 23, лл. 6—8.

² См.: Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900, стр. 127.

обязанность содержать почтовые станции, так называемую летучую почту, давать подводы для чиновников, едущих по делам службы. Станичники обязаны были составлять караулы при станичном правлении, запасном хлебном магазине и содержать лесную стражу. Казаки строили сараи или другие помещения для племенного скота и лошадей, строили или ремонтировали паромы и лодки. Они должны были содержать в исправности станичные мельницы, перевозки. Для общественных нужд станицы и для содержания племенного скота казаки летом заготавливали сено. От этих повинностей освобождались офицеры, их дети, станичные атаманы и судьи, станичные оспопрививатели и учителя¹.

Казак не мог без ведома начальства покинуть станицу, перейти в другое сословие. Казаку, пожелавшему это сделать, надо было получить официальное разрешение наказного атамана, отказаться от своего земельного пая, полностью уплатить все недоимки, не состоять под следствием и судом. Кроме того, уходящий должен был получить согласие родителей, если он жил с ними нераздельно, и обеспечить исправное снаряжение на службу нераздельно живущих с ним братьев, оставшихся в станице². Основная обязанность казака — выполнение воинской повинности. Ее отбывали все казаки, все дети, сколько бы их ни было у отца. Больных и богатых казаков заменяли другими за определенную плату.

Тяжелой обязанностью для бедной семьи являлось снаряжение казака на военную службу. Оно обходилось в 345 рублей³. Многие казаки никогда не имели строевых коней. Для очередных военных сборов арендовали лошадей у станичных кулаков по 25—40 рублей за сезон.

Кроме военной службы, отбывания натуральной повинности — почтовой, подводной, караульной, казаки платили деньги на содержание должностных лиц, строительство и содержание общественных зданий, содержание земских троек, духовенства.

В сотни тысяч рублей обходился горцам и казакам большой штат царских чиновников, духовенства. При этом поучительно, что с 1908 по 1912 год расходы каза-

¹ См.: Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900, стр. 154—157.

² См.: М. А. Караулов. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, стр. 349—350.

³ См.: Терский календарь на 1901 год, стр. 154—157.

ков и горцев по трем округам и двум отделам на содержание школ увеличились всего на 4 процента, а на содержание церквей и духовенства — в 2 раза, на содержание и строительство так называемых общественных зданий — более чем в 2 раза. Политика царизма заключалась в том, чтобы держать народные массы в темноте и невежестве, и особенно это относилось к горцам.

Из всего сказанного можно понять, что подавляющая часть горцев влачила жалкое существование. Они ближе стали к русским крестьянским массам, судьба которых была почти одинаковой. Царизм давил как тех, так и других, с наибольшей силой он поработал народы окраин империи. Русским и горским крестьянам стали более понятны цели рабочего класса в его борьбе с самодержавием и капиталистами. Грозненский пролетариат оказывал революционизирующее влияние на трудящиеся массы Чечено-Ингушетии.

АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Антиколониальная борьба в различных ее формах началась сразу же, как только царизм повел активное и широкое наступление на Кавказ с целью подчинения и поработки его народов. Если горская верхушка все время лавировала, торговалась с царизмом, как лучше устроить свое будущее и извлечь побольше для себя выгод, народные массы никогда не хотели терпеть колониального гнета. В 60 — 70-х годах по Чечне прокатилась волна местных восстаний. Еще раньше, в 1856 году, вспыхнуло назрановское восстание. Горская знать активно участвовала в подавлении восстаний. Так поступил в 1877 году генерал-чеченец Чермоев, потомки которого превратились в миллионеров, разбогатеv на грозненской нефти.

Укрепляя свои позиции на Кавказе, царизм пресекал любую попытку выступлений чеченцев и ингушей против колониального гнета. Царизм, по выражению В. И. Ленина, придерживался черносотенного правила: «Всех инородцев необходимо держать в ежовых рукави-

цах и не позволять им «распускаться»¹. Чтобы этого не случилось, во всех городах и крупных населенных пунктах стояли военные гарнизоны. Они были в городе Грозном, в слободах и крепостях Ведено, Шатой, Назрань. Однако военным гарнизонам не удалось приостановить развития исторического процесса в Чечено-Ингушетии.

Классовая борьба в Чечено-Ингушетии ничем почти не отличалась от классовой борьбы в других местностях России. Однако необходимо остановиться на некоторых особенностях социально-экономического развития чеченского и ингушского народов. В Дагестане, Кабарде, Осетии давно сложились феодальные отношения. В Чечено-Ингушетии феодальные отношения также зародились давно, но не переросли в классическую феодально-крепостническую формацию. Наряду с феодальным укладом, который только пробивал себе дорогу, существовали и старые патриархально-родовые отношения².

Присоединение Чечни к России, отмена крепостного права в России, бурное развитие капитализма в стране — все это нарушило ход исторического процесса в Чечено-Ингушетии. Развитие российского капитализма «вширь» затронуло чеченский и ингушский народы. В пореформенный период в Чечено-Ингушетии также начали развиваться капиталистические отношения, которые способствовали разрушению старых патриархальных отношений. Остатки патриархальщины и натурального уклада сохранились вплоть до Октябрьской революции, даже в первые годы Советской власти. Накануне Октябрьской социалистической революции «Кавказ представлял собой чрезвычайно пеструю картину общественных отношений: от феодально-патриархальных, сохранившихся у горских народов, до самых развитых, капиталистических»³. Остатки патриархально-феодальных отношений выражались в кровной мести, калыме, рабском положении женщины, в культе слепого подчинения главе семьи, беспрекословного подчинения старшему. Архаические формы землевладения и землепользования тормозили ка-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 24, стр. 293.

² См.: Н. П. Гриценко. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX века. Грозный, 1961.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1. М., 1967, стр. 143.

питалистическое развитие. Община горских крестьян задерживала экономическое и культурное развитие народа. Ф. Энгельс писал, что общинная собственность на землю на известной ступени общественного развития превратилась в оковы, что община в России «сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле»¹. Характерная черта такой общины — ее узость и замкнутость, которые являются необходимым следствием застойного натурального хозяйства. Такая деревня, писал В. И. Ленин, «представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости*»². Именно раздробленность мелких производителей порождала их «одичалость» и служила «*вернейшим залогом беспросветного экономического и культурного застоя*»³. В общинной деревне и в земледелии и в промыслах наблюдалась *поразительная «раздробленность и одичалость производителей»*⁴. Это относилось к русской общине. Горская община была более архаической по сравнению с ней.

В чеченских и ингушских аулах сохранились другие остатки патриархальщины, и в частности по управлению общиной. В письме к Ф. Энгельсу в 1868 году К. Маркс писал, что у русских «*не демократический, а патриархальный характер управления общиной*»⁵. Это в полной степени относится к горской деревне. У чеченцев и ингушей сохранилось от старой тайповой (родовой) организации то, что глава тайпа мог удерживать в своих руках лучшую землю и в большем количестве. Старейшина рода и кулак использовали старые традиции тайповой взаимопомощи, заставляя работать на себя обедневших сородичей. Сохранению консервативных традиций и обычаев способствовала мусульманская религия, ее предста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 544.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3, стр. 381.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 2, стр. 409.

⁴ Там же.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 158.

вители — шейхи и муллы, сеявшие темноту и невежество среди населения.

Пережитки прошлого, хотя, возможно, и в меньшей степени, испытывали на себе и русские крестьяне. В преформенный период эксплуатации трудящихся России, по определению В. И. Ленина, была «опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся... видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них»¹.

Горские крестьянские массы постепенно прозревали, становились на путь классовой борьбы. Но эта борьба темной и несознательной массы была стихийной и неорганизованной. Это относилось не только к горцам, но и к русским, украинским крестьянам. Говоря о причинах подавления крестьянских восстаний в 1902 году в Полтавской, Харьковской и других губерниях, В. И. Ленин писал: «Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т. е. без требования изменить *государственные* порядки»². В начале XX века союз русских крестьян и рабочего класса во главе с коммунистической партией только складывался. Этот союз окреп в годы первой буржуазно-демократической революции. И если до первой революции русские и украинские крестьяне в период восстания 1902 года показали себя «темной, несознательной массой», то о классовой сознательности горцев и говорить не приходится. Они не доросли до твердого понимания, кто их классовый враг в ауле, кто их непосредственно эксплуатирует и приносит им разорение. Ясное классовое сознание развивалось постепенно, оно отчетливо проявилось только в период Октябрьской революции и гражданской войны. В конце XIX — начале XX века мы видим только изолированные вспышки классовой борьбы отдельных групп крестьян, выступления небольших абреческих отрядов и одиночек.

Абреческое движение усиливается в последней четверти XIX века. Прежде всего абреки расправляются с теми, кто верно служил царизму — царскими чиновниками,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 1, стр. 310.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 7, стр. 196.

отчасти с представителями местной знати. Так в 1889 году абреки поступили с известным на всю Чечню своим богатством подполковником Шеды Эльмурзаевым. Он многие годы находился на царской службе, а на старости лет проживал в родном селении Старый Юрт. Он обычно разъезжал в добротной карете с упряжкой хороших коней и надменно смотрел на своих крестьян-земляков¹. Шеды Эльмурзаев был инициатором ссылки в Сибирь многих абреков, в том числе известного Алихана Дебиров. Начальник Грозненского округа полковник Чекунов получил сведения, что Эльмурзаев убит абреками «в отмщение за ссылку» Дебиров. Крестьяне-горцы за убийство подполковника заплатили дорогой ценой. Начальник Грозненского округа решил наказать чеченцев и приказал староюртовцам собрать тысячу рублей «для открытия убийцы». Больше того, он объявил крестьянам, что «при неоткрытии убийцы подполковника Шеды... староюртовцы будут привлечены к наказанию»² — крупному штрафу. Горцам дали месячный срок для поимки абреков-убийц. Приказа начальства крестьяне не выполнили. Тогда командующий войсками приказал обезоружить староюртовцев, «поставить экзекуцию один батальон, в течение месяца взыскать штраф в пользу семейства убитого и назначить старшину по выбору начальника округа с определением содержания по 600 рублей в год, уплачиваемых аульными жителями»³.

18 сентября Старый Юрт был окружен войсками, посланными из Грозного. По всем правилам военного искусства царские войска напали на спящих крестьян. Перепуганных жителей, как военнопленных, согнали в кучу, в домах забрали оружие, оставив его только «почетным старикам», георгиевским кавалерам, имеющим медали «За усердие», а также милиционерам⁴. Царские власти не тронули «почетных стариков». Они были верной опорой самодержавия. За все отвечали бедняки-крестьяне. Их было много в селении. Из 600 дымов 60 имели только

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, лл. 66—67; ф. 149, оп. 2, д. 19, лл. 44—45.

² ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 3, д. 963, лл. 2—3.

³ Там же, л. 9.

⁴ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 149, оп. 2, д. 19, лл. 17—151.

один дом и никакого другого хозяйства, 11 дымов имели только по одной корове, а 12 хозяйств — лишь по одному быку. Более 20 процентов крестьян-староюртовцев влачили жалкое существование, испытывали на себе всю тяжесть царского произвола и местных богатеев¹. Во время обыска у горцев отобрали 114 ружей, 104 пистолета, 256 кинжалов, 22 шашки, и все это потом в Грозном превратили в 19 пудов лома, который продали, а вырученные деньги передали в штрафной фонд Грозненского округа. В период экзекуции в Старый Юрт привезли из Грозненского и далекого Аргунского округов «почетных» аульных старшин для наглядного обучения расправам с непокорными крестьянами. Начальство взяло с крестьян 1200 рублей штрафа для семьи убитого.

Как победители царские войска покинули селение и ушли в Грозный. Но на этом беды староюртовцев не окончились. В селении на неопределенное время остался экзекуционный отряд — 19 офицеров, 326 солдат и казаков. 600 староюртовских хозяйств должны были их содержать. Ежедневно это обходилось в 56 рублей, да требовались еще фураж и дрова. Солдаты и офицеры заняли лучшие дома, окружили селение многочисленными постами, запретив жителям общаться с внешним миром. Хлеб в поле остался необранным, землю под посев не приготовили. Жестокие меры, принятые против староюртовцев, стали известны всему населению Грозненского округа. «Все испугались этой экзекуции, — писал очевидец, — были сильно возбуждены и опасались за последствие оной. Пугались и боялись не того, что староюртовцы понесут материальное наказание, а того, что войскам будет разрешено мародерничать, обижать и оскорблять женщин и девушек, надругаться над ними, не щадить ни стариков, ни малолетних, что оскорбление женщин побудит староюртовцев к столкновению с чинами экзекуционного отряда и поведет прямо к уничтожению или избиению староюртовцев»². Издевательствам над крестьянами не было конца. Многие подозреваемые в убийстве Эльмурзаева были арестованы, их допрашивали, избивали. Особенно усердствовал старшина подпо-

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 149, оп. 2, д. 19, лл. 17—151.

² В. Казачковский. Разбой на Кавказе. Владикавказ, 1913, стр. 92.

ручик Яндыров. В селении команда находилась до 12 ноября. За это время крестьяне уплатили на содержание воинской команды, на поимку убийц, как кровную плату за убитого до 6 тысяч рублей — по 10 рублей с каждого хозяйства. Вот во что обошелся крестьянам убитый подполковник.

Абреки, постоянно преследуемые царскими властями, не прекращали своей борьбы. В конце XIX века имя знаменитого абрека Османа Мутуева знали далеко за пределами Грозненского округа. О себе он так рассказывал: «Я не родился и не воспитывался быть абреком — абреком сделали меня люди. Мой отец — сподвижник имама Шамиля, наш род почтенный, учился я в горской школе, откуда мечтал поступить на государственную службу (переводчиком. — Н. Г.), но меня вытолкнули из этой колеи и насильно направили на эту дорогу. Не окончив школы по случаю смерти отца, я приехал в свой аул и занялся хозяйством. Скоро умерла и мать, и я остался хозяйничать один»¹. Далее Мутуев рассказывает, что когда в его ауле стали часто повторяться воровство и грабежи, «потребовали от общества выдачи всех порочных его членов для выселения их административным порядком из края, то, как это водится, в приговор попало несколько байгушей (безродных) и в числе их и я, как бы занимающийся воровством. Протесты и просьбы мои о производстве дознания ничего не помогли. Никто не хотел внимательно разобраться в моей просьбе, и я как порочный член общества на основании мирского приговора был сослан административным порядком в Сибирь»².

Дважды Осман бежал из Сибири и дважды кулаки-односельчане отправляли его обратно. Попав в третий раз в Сибирь, Осман Мутуев решил мстить. Он бежал в родной аул с одной целью — расправиться с кулаками. «Всем своим врагам, — говорил он, — я жестоко отомстил за свой позор, но с остальным населением, не сделавшим мне ничего дурного, я жил хорошо».

Когда Мутуев снова оказался в Терской области, он, по рассказу очевидца, обратился к областному начальству, и ему разрешили жить в родном ауле. Но богатеи-односельчане решили окончательно расправиться с Османом. «Обозленный старшина и местные сельские запра-

¹ В. Казачковский. Цит. соч., стр. 92.

² Там же.

вилы, — говорил он, — не могли простить мне моего обращения к начальнику области и не прошло и полугода, как составили приговор и просили о выселении меня из края как предводителя всех воров»¹.

Османа старшина и богатеи разорили, опозорили перед сельским обществом, и по их настоянию байгуша — безродного — сослали в далекую Сибирь. Вскоре абрека Мутуева стали преследовать и царские власти. Абрек Мутуев пользовался большим авторитетом среди бедняков. Даже враги его, царские чиновники, отзывались о нем так: «Это был умный и, если можно так выразиться, благородный разбойник. Став сам жертвой несправедливости общества, он чутко относился ко всякой беде. Все обиженные находили защиту в личном и строгом суде Османа. За это население всегда и везде оказывало своему защитнику радушный прием и называло его своим князем»². Он был не вором, конокрадом, а защитником обиженных и бедных. «Османа боялись его личные враги, сельские кулаки и русские туристы; последних он грабил или брал в плен с целью выкупа, но никогда не убивал»³. Он имел 5—6 приближенных людей, среди которых были гельдигенский и харачоевский Зелимханы. В 1905 году Осман Мутуев был убит кровниками. Приведенные факты о жизни и борьбе абрека Мутуева говорят о том, что абречество возникло не только в результате колониальной политики царизма, но и на почве классовой борьбы.

Там, где родился и жил харачоевский Зелимхан и откуда произошли многие абреки, обстановка была сложной. В Веденском округе, территория которого в основном расположена в нагорной полосе, земля была мало пригодна для земледелия. Горный рельеф, низкое качество почвы, поздние заморозки весной и раннее похолодание осенью — все это мешало нормальному земледелию. К тому же там наблюдалась большая скученность, что отражалось на землепользовании.

В начале XX века на территории 3 и 4-го участков Грозненского и 5-го участка Веденского округа размещались 233 поселения, в которых проживало 45511 крестьян. В их частном пользовании считалось 7747 десятин

¹ В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 93.

² Т а м же, стр. 87.

³ Т а м же.

пахотной и 16 318 десятин покосной земли, или на одну душу приходилось 0,6 десятины. Кроме того, были общинные пахотные и сенокосные земли и пастбища. 3948 семей, или 44 процента ко всему населению, имели небольшие клочки земли или вообще ее не имели. Несмотря на малоземелье, в этом округе на одну квадратную версту приходился 21 человек, а в целом по Терской области — 16 человек. Землепользование сокращалось за счет вновь прибывших, то есть бежавших в эти селения из других мест от кровной мести и по другим причинам. Новоприбывшие крестьяне получали пай из тех же общинных земель. Много земли отдавалось на содержание мечетей¹.

С развитием товарно-денежных отношений земельные участки стали предметом купли-продажи или так называемого залога. Крестьянин-бедняк, нуждавшийся в деньгах в момент стихийного бедствия, когда он лишался хлеба в неурожайные годы или в случае падежа скота, временно отдавал свой земельный участок кулаку-ростовщику. До тех пор, пока должник не возвращал взятых денег, земля оставалась в руках кулака. Часто было, что заложенные земли так и оставались в его владении.

Не только безземельные, но и малоземельные крестьяне нагорной полосы питались покупным хлебом. Из-за малоземелья вспыхивала стихийная борьба между богатыми и бедными. Частное землевладение, писал в 1906 году современник, «явилось тем горючим материалом, который в глубине гор тлеет и от времени до времени вспыхивает в виде насильственного отбирания общинниками земель у частных владельцев или в виде ожесточенных споров между собою»².

Многие кулаки составляли подложные купчие на пахотные и сенокосные земли, и эти купчие становились законными «документами» для сплошь неграмотного населения. Крупный кулак из селения Химой Магома Алиев много купил и взял под залог у бедняков пахотных и сенокосных участков, а потом доказывал, что его предки якобы когда-то купили у крестьянского общества селения Хокорой часть земли, а другую часть — у своих крестьян. Во время работы поземельной комиссии

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 32, оп. 1, д. 9, л. 150.

² Там же.

в 1906 году один из односельчан горячо стал возражать, доказывая, что у Алиева поддельная купчая, а самому Магоме сказал: «Что ты сочинишь? Когда ты ее купил? Ты этим рассказом хочешь нас лишить земли! Считаешь нас не имеющими права пользоваться, как будто ты пришел сюда первым и земля твоя, а мы твои подданные. Ты и так всей землей завладел произвольно и теперь хочешь подтвердить это купчей и ввести в заблуждение начальство»¹. Беднейшие горцы открыто заявляли кулакам, что они незаконно владеют землей, и требовали уравнительного землепользования. Зажиточные же всяческими способами доказывали «свое право первого займища и расширения владений»².

В начале XX века самовольные захваты общинных земель кулаками превратились в обычное явление. «Вопрос о захвате общественной земли,— писал Н. С. Иваненков,— очень серьезный и важный. Он существует во всех обществах. Многие зажиточные члены общества, не имея права занимать новые земли, но желая увеличить свои владения, делали это незаметно, прибавляя к существовавшим уже займищам смежные неразработанные земли. Безземельный класс в обществах недоволен положением, занятым имущим классом»³.

Кулаки не только отбирали у крестьян-бедняков землю, но и заставляли их работать на себя. «Лица,— писал Н. С. Иваненков,— не имеющие своих быков и плуга, пахут чужими плугами. Так, Магомету Муртазалиеву (сел. Итум-Кале) дядя дает плуг и быков с тем, чтобы тот 5 дней пахал ему и 3 дня на себя»⁴.

Некоторые горцы, побывавшие в Сибири, с иронией говорили, что там им было лучше, чем в родных местах. Крестьянин-чеченец из селения Шарой Ахмет Баев заявил начальству, что в Сибири «казна бешмет, штаны, шапку — все дает хорошее, кормит даром. А здесь нигде и копейку заработать. Земли мало. Хлеба вволю нигде посеять»⁵.

¹ Н. С. Иваненков. Горные чеченцы. — Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910, стр. 24.

² Там же.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 117.

⁵ Там же, стр. 145.

В нагорной полосе не только происходили бурные споры между богатыми и бедными, но вспыхивали крестьянские восстания, направленные как против царизма, так и против местной зажиточной верхушки.

Произвол царских чиновников, эксплуатация бедняков — все это происходило на глазах юноши Зелимхана Гушмазукаева. Впечатлительный Зелимхан на всю жизнь запомнил страдания крестьян-бедняков. Мирным, хозяйственным и хорошим семьянином считался Зелимхан в своем селении Харачой. Его отец Гушмазуко Бехоев, как у горцев и положено, рано женился, обзавелся детьми и небольшим хозяйством. В 1886 году он имел саклю, двух волов, 5 коров, 28 баранов на 7 человек семейства. Земельные участки в селении измеряли не в десятинах, а в днях пахоты или кошения травы. У Гушмазуко земли было очень мало: общественной пахотной и сенокосной на полтора дня и на два дня собственной пахотной земли¹. Трудолюбивая семья постепенно увеличивала свое хозяйство и в начале XX века достигла определенного достатка.

О себе, о своей семье и хозяйстве Зелимхан пишет в известном письме, посланном 15 января 1909 года на имя председателя Государственной думы Хомякова. Он сообщает, что семья его отца состояла из трех сыновей — Хасана, Зелимхана, Солтамурада — и столетнего деда по имени Бехо. Как говорит сам Зелимхан, жили они в Харачое зажиточно. «Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев». «Добра своего было достаточно, чужого мы не искали»².

В 1901 году мирная жизнь семьи Зелимхана была нарушена. Все началось с простого, что у горцев иногда встречалось. Младший, Солтамурад, решил жениться, нашел невесту, но родные отдали девушку за другого. На этой почве произошла драка, в которой был убит родственник Зелимхана. Он решил отомстить за смерть родственника и убил одного из кровников. По обычаю, на этом кровная месть должна была прекратиться. Но вместо тишины и спокойствия местная администрация

¹ См. ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 228, оп. 1, д. 37, л. 8.

² Кавказские разбойники... стр. 113.

решила дать делу законный ход, и началось следствие. Начальник участка, куда входило селение Харачой Веденского округа, капитан Ханжалов или Чернов (в письме Зелимхана значится под буквой «Х»), который затем переехал в другой округ Терской области, показал, что виновниками смерти кровника были его отец, сам Зелимхан и его два двоюродных брата. Местное начальство нашло юридическое основание для того, чтобы арестовать отца, двух братьев и самого Зелимхана. Всех отправили в тюрьму, а затем судили. Один из братьев Зелимхана умер в грозненской тюрьме, другой — уже в ссылке¹.

Зелимхан попал в грозненскую тюрьму в расцвете сил, ему в 1901 году было только 28—29 лет. Путем подкопа он бежал. «Я, — писал Зелимхан, — бежал из грозненской тюрьмы с единственной целью — отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и, кроме того, обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его рассказию и простил ему»². Зелимхан не жаждал крови и как честный человек простил заклятому врагу. Но вскоре Зелимхану стало ясно, что начальник участка жестоко его обманул, хотя и уехал служить в другой округ. «Таким образом, — писал Зелимхан, — из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но не такого знаменитого, как сейчас»³.

Письмо в Государственную думу составлял не сам Зелимхан. Он был человек неграмотный или малограмотный. Обычно письма писались от имени Зелимхана на арабском языке. Есть косвенные данные, что письмо в Думу писал сын генерала Курумова, грамотный человек Мусса Курумов.

Став абреком, Зелимхан общался с представителями многих национальностей, с некоторыми поддерживал длительные связи. В горах Зелимхан встречался с казаками, русскими людьми. Он никогда не трогал случайно с ним встретившихся русских офицеров. Значительно

¹ См.: Кавказские разбойники... стр. 113.

² Там же, стр. 114.

³ Там же.

позже, когда его знал не только Кавказ, но и вся страна и даже Европа, с ним неожиданно повстречался русский офицер, охотившийся в районе участка Мереджой, в верховьях речки Нетхой, и решивший отдохнуть на маленьком хуторке. Фамилия офицера осталась для нас неизвестной. Вскоре сюда же приехали несколько всадников во главе с Зелимханом. Они вошли в дом, где находился офицер. После некоторого замешательства начался между ними разговор. Один из горцев обратился к русскому офицеру: «Зелимхан говорит: как ты такой человек и ходишь один в горах, не боишься его», то есть Зелимхана. Затем добавил: «Ничего, пусть ходит, в горах тебя не тронет никто». Когда ближе познакомились, то, по словам офицера, «за стаканом чаю много говорили мы с ним (с Зелимханом. — *Н. Г.*), и, признаться, он, простой чеченец и абрек, подчас задавал мне такие вопросы и такие темы затрагивал, что невольно ставил меня в тупик. Беседа шла, касаясь многих вещей и лиц, но, к сожалению, по причинам, от меня не зависящим, не может быть опубликована. Это было оригинальное и редкое по своей обстановке обоюдоострое интервью... Расстались мы друзьями»¹.

Зелимхан поддерживал тесные связи с качагами и горцами Дагестана, во многих селениях Андийского округа всегда был желанным гостем. Как сам Зелимхан, так и другие чеченские абреки во время опасности находили радушный приют у дагестанцев.

В начале XX века на горские народные массы влияли рабочие промышленного Грозного, особенно выходцы из чеченских и ингушских селений. «Складывавшиеся в Чечено-Ингушетии элементы капитализма, — пишет Л. Н. Колосов, — создавали все большую подвижность населения, развивали общение людей различных национальностей и неизбежно приобщали их к революционному движению. В совместной трудовой и революционной деятельности закладывались основы для тесного союза трудящихся различных национальностей: русских и аварцев, чеченцев и грузин, ингушей и черкесов — союза, сыгравшего историческую роль в Великой Октябрьской социалистической революции»². Уже в конце XIX века

¹ В. Казачковский. Цит. соч., стр. 111—112.

² Л. Н. Колосов. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893—1917 годы). Грозный, 1965, стр. 58.

на нефтяных промыслах можно было встретить, «кроме русских и украинцев, чеченцев, персов, армян, евреев, татар, ингушей, кабардинцев»¹.

На крестьян-горцев оказывала некоторое влияние немногочисленная прогрессивная национальная интеллигенция. Некоторые чеченцы и ингуши еще в 70—80-х годах участвовали в революционном студенческом движении в Москве и Петербурге. Возвратившись в родной край, они вели просветительную работу среди своего народа. Такой деятельностью в начале XX века занимался учитель по образованию Таштемир Эльдерханов. Он был депутатом от горских народов в первой и второй Государственной думе. Горские школы, в том числе грозненская и назрановская, за много лет существования сыграли прогрессивную роль в обучении и воспитании горцев. Несмотря на куцую учебную программу, горцы, окончившие школу, приобщались к русской духовной культуре и свои знания несли в народные массы.

Влияние рабочего класса, появление среди горцев грамотных людей, хотя и в небольшом числе, просветительная деятельность национальной интеллигенции, акты возмездия абреков — все это, вместе взятое, изменяло психологию горца-крестьянина. Рушилось представление о необходимости беспрекословно подчиняться старшему. В конце XIX — начале XX века в чеченских и ингушских селениях отмечаются случаи, когда крестьяне расправлялись со своими старшинами, уничтожали их скот, сено и хлеб, иногда оказывали вооруженное сопротивление властям. В 1898 году Владикавказский окружной суд осудил крестьян селения Насыр-Корт Паци и Ярыга Могушковых. Первого направили в исправительные арстантские отделения на полтора года, а второго — в тюрьму на восемь месяцев «за вооруженное сопротивление и насилие» над старшиной Эльмурзаевым. В 1899 году крестьянин селения Сагопши А. Хонакиев избил местного сельского старшину Гурбаева, за что попал в тюрьму. 72-летний старик из селения Кантышево М. Кортюев за оскорбление старшины Кодзоева был посажен под арест и заплатил судебные издержки. Крестьянин селения Яндырка С. Дзачапов за то же самое был арестован и отправлен на гауптвахту. Крестьянин селения До-

¹ Л. Н. Колосов. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893—1917 годы). Грозный, 1965, стр. 63.

лаково Т. Альмурзиев в апелляционной жалобе на приговор Назрановского горского суда, им лично написанной, «умышленно употребил выражение, оскорбительное для суда», за что был арестован¹.

Не только в чеченских и ингушских селениях, но и в казачьих станицах нарастало недовольство местным начальством. Рядовые казаки, несшие на своих плечах военную службу, ощущавшие притеснения станичных атаманов, стихийно становились на сторону трудящихся. В конце XIX — начале XX века они не только стали бороться против казачьей верхушки, но и начали критически относиться к существующему строю, самодержавию. Характерный случай произошел в станице Михайловской 22 декабря 1896 года. Группа казаков собралась на улице и в своем кругу обсуждала домашние и станичные дела. Разговор также зашел об обмене лошади станичника Крылова на пару быков Пенькова. Рядом стоявший казак Куценко не одобрил такой мены — лошадь не стоит пары быков. Казак Крылов заметил: «Если бы тебе, Федя, попалась такая лошадь, как моя, ты бы как царь был». На это Куценко возразил: «Дурак и царь». Атаман станицы Михайловской, узнав о случившемся, тотчас же донес об этом высшему начальству. Куценко арестовали, начались допросы и следствие. Дальнейшая судьба казака нам неизвестна².

С подъемом рабочего движения крепнут большевистские организации не только в центральных районах страны, но и на Кавказе. В Грозном большевики ведут среди рабочих революционную пропаганду, распространяют листовки и прокламации в городе. Они попадают и в сельскую местность. 28 августа 1904 года атаману станицы Змейской стало известно, что житель селения Христиановского А. Бациев читал односельчанам прокламацию, напечатанную типографским способом. Сама прокламация в архиве не сохранилась, и от чьего имени написана, также неизвестно. Доносчик, видевший прокламацию, передает ее содержание начальству своими словами: народ должен отказаться от требования царя посылать своих сыновей на русско-японскую войну, а бе-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 1550, лл. 23, 30, 48, 110, 136; д. 1551, лл. 11, 156.

² См. там же, оп. 11, д. 3, лл. 6, 61—62.

речь их для внутренней войны, ибо все горцы Северного Кавказа, Армения, Грузия и Польша против царя, за его свержение. «Он от нас отобрал все права и поставил над нами всех жандармов, своих городских, а нас повсюду притесняют и нам нет нигде свободы. Долой царя, не надо! Отомстим этому врагу. С кем он задумал эту войну, он с народом не посоветовался, он набрал к себе разбойничью шайку фабрикантов и богатых купцов и для них открыл войну...»¹ Доносчик сообщил атаману, что таких прокламаций завезено в селение до 400 экземпляров. Прокламация явно носила антицарский, антиимпериалистический характер, она была направлена против захватнической политики самодержавия на Дальнем Востоке.

О настроении горцев Северного Кавказа накануне революции 1905—1907 годов говорит и такой яркий факт. Когда царские войска стали терпеть поражения от японцев, местные власти по указанию свыше обратились к горцам с призывом добровольно вступать в армию. На Северном Кавказе удалось создать два полка «добровольцев» — Дагестанский и Терско-Кубанский. Полки были отправлены на Дальний Восток. Горцы-добровольцы, прибыв на фронт, увидели, как гибнут русские солдаты. Когда 13 октября 1904 года Терско-Кубанский полк получил приказ идти на переднюю линию, значительная часть кабардинцев и чеченцев заявила, что «вообще служить не желают». Руководили восстанием чеченец Тасмахиров и кабардинец Кереев. Приморский военно-окружной суд постановил: «Подсудимых приказных Залим-Гирея Кереева и Таша Тасмахилова лишить всех прав состояния, воинского звания, исключить из военной службы и подвергнуть смертной казни через расстреляние»². Десятки других солдат были осуждены к заключению от 3 до 8 лет.

Одному из участников восстания — Магомеду Айдемирову удалось убежать в Чечню, где он рассказал об участи однополчан. Вскоре Айдемирова поймали, заключили в грозненскую тюрьму и снова отправили на Дальний Восток³.

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3252, л. 168.

² Ч. Э. Карданов. Аграрное движение в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1963, стр. 66—69.

³ См. там же, стр. 70.

Революционная пропаганда проникает в аулы и станции. В «Политическом обзоре» жандармского управления Терской области за 1904 год указывалось, что «общее настроение многообразного народонаселения Терской области сильно приподнялось, в особенности к концу отчетного 1904 года, когда революционная пропаганда стала распространяться среди туземного населения, проникая даже в отдаленные от местных центров аулы»¹.

В конце 1904 года крестьяне 27 селений и 33 хуторов Веденского округа отказались платить налоги и подчиняться старшинам, назначенным властями. Так, в Чечено-Ингушетии усиливалась антиколонизальная и классовая борьба, учащались выступления абреков против представителей царской власти.

* * *

В стране назревала, а затем свершилась первая буржуазно-демократическая революция. Гегемоном в ней был рабочий класс, а его союзником — крестьянство. В ходе совместной борьбы против самодержавия и эксплуататоров выросла и политическая сознательность крестьянства. Революционные выступления рабочих оказали решающее влияние на деревню. В русской деревне, отмечал В. И. Ленин, «появился новый тип — сознательный молодой крестьянин. Он общался с «забастовщиками», он читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев-дворян, против попов и чиновников»². Сознательные молодые крестьяне активно включились в аграрное движение.

Крестьянские массы России открыто выступили против помещиков, они сожгли около 2 тысяч помещичьих усадеб, отбирали помещичьи земли, создавали крестьянские комитеты на местах. Если в январе—апреле 1905 года крестьянским движением было охвачено 103 уезда, в мае—августе — 113, то в сентябре—декабре — уже 260 уездов³. В. И. Ленин писал: «Наше крестьянство со-

¹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967, стр. 169.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, стр. 316.

³ См.: Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., «Наука», 1969, стр. 85—86.

ждало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века»¹.

В Чечено-Ингушетии в годы революции не было такого сильного аграрного движения, как в центральных уездах страны. Здесь не было в прямом смысле помещичьих земель и помещичьих усадеб. Крестьянские волнения вспыхивали прежде всего там, где горцы испытывали острый земельный голод. Крестьяне-горцы самовольно захватывали войсковые и казенные земли, лесные дачи, рубили лес, расчищали поляны, превращали их в пашню. Так, 18 крестьян селения Сурхохи Назрановского округа во главе с Зебиром Темуркаевым захватили участок казенной земли и разделили ее между собой². Крестьяне селения Чишки Грозненского округа много раз обращались к начальству с просьбой наделить их землей, принадлежащей казне. Не получив положительного ответа, они захватили и распахали эту землю³. Крестьяне 13 старшинств (своеобразных волостей) Веденского округа, куда входили 27 селений и 33 хутора, еще в 1904 году отказались выполнять распоряжения местной администрации. В 1905 году они решили не платить податей, не выполнять повинностей, прогнали назначенных старшин и избрали свою сельскую власть⁴. Однако в Чечено-Ингушетии в 1905 году массовых и повсеместных выступлений крестьян-горцев не было. Они ненавидели своих угнетателей, прислужников царизма, но были настолько запуганы, забиты и унижены, что редко открыто и организованно выступали в борьбе за свою свободу. В. И. Ленин о крестьянских движениях в центре страны осенью 1905 года писал, что «не все крестьяне, борющиеся за землю и волю, вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики»⁵. И если в России крестьянское движение «являлось стихийным и политически бессознательным», то в Чечено-Ингушетии оно было еще более разобщенным и пассивным. Крестьяне только в отдельных случаях открыто выступали

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 17, стр. 39—40.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 123, л. 64.

³ См. там же, ф. 11, оп. 11, д. 6254, лл. 11—12.

⁴ См. там же, ф. 270, оп. 1, д. 4, л. 62.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 12, стр. 95.

против царизма. Главным образом они выражали свой протест более мирными средствами — писали жалобы на местное начальство, посылали ходоков к временному генерал-губернатору Терской области или наместнику Кавказа. Подобная форма протеста в революцию 1905 года была присуща и многим русским крестьянам. «Большая часть крестьянства, — писал В. И. Ленин, — плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей»¹.

К революционному движению рабочих и крестьян примыкает прогрессивная интеллигенция. Близко соприкасавшаяся с трудовым народом и в основном происходящая из разночинцев, она существовала за счет продажи своей рабочей силы. В 1899 году В. И. Ленин писал, что «не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа»².

Малочисленная национальная интеллигенция, происходившая из трудового народа, пыталась включиться в революционную борьбу для того, чтобы облегчить положение крестьян-горцев. Об этом говорят требования горской интеллигенции, выдвинутые на ее собрании летом 1905 года во Владикавказе.

Для поднятия экономического благосостояния крестьян-горцев Терской области собрание потребовало от наместника Кавказа наделить малоземельных и безземельных крестьян горной полосы казенными землями; распространить действие крестьянских поземельных банков на горское население; для того чтобы облегчить положение горцев, раскладывать всякого рода подати, сообразуясь с платежной способностью отдельных крестьянских дворов, с введением «подходного прогрессивного» налога; немедленно освободить от налогов, податей и натуральных повинностей безземельных крестьян.

Для улучшения административного управления краем собрание потребовало создать в Тифлисе постоянный центральный орган из представителей всего населения Кавказа, избранных на основе равного, прямого и тайного голосования, который рассмотрит законы, касающиеся

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 17, стр. 211.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4, стр. 238.

местных нужд; ввести немедленно выборное начало для сельских старшин.

Для «духовно-нравственного» воспитания народа собрание предлагало создать духовное мусульманское управление; установить обязательный общеобразовательный ценз для мусульманского духовенства; предоставить горцам право свободного избрания своих духовных пастырей; немедленно открыть во Владикавказе учительскую семинарию для подготовки учителей из среды горцев; открыть сеть начальных русско-горских школ для местного населения и увеличить число горских стипендий в средних и высших учебных заведениях. Было записано также требование преобразовать назрановскую и другие горские школы в общеобразовательные средние учебные заведения и создать школы профессионального характера. Собрание предложило также открыть во Владикавказе высшее учебное заведение для лиц обоего пола и предоставить право частной инициативе открывать общеобразовательные и профессиональные школы с преподаванием в них на русском и национальных языках¹.

Пожалуй, впервые на Северном Кавказе было записано требование, чтобы женщины-горянки получали высшее образование.

Можно с уверенностью сказать, что это постановление редактировалось представителями осетинской и ингушской интеллигенции. В нем не затрагивались основы существующего строя, но в какой-то мере отражены интересы и чаяния горских крестьянских масс. Постановление собрания горской интеллигенции так и осталось на бумаге.

В то время, когда значительная часть крестьян-горцев, недовольных своим положением, писала многочисленные жалобы, в пролетарском Грозном обстановка накалялась. Там уже в январской забастовке участвовало около 11 тысяч рабочих. Забастовки усиливаются в мае и в последующие месяцы. Участник революции грозненский рабочий Т. С. Силков впоследствии вспоминал: «Настроение товарищей поднималось, все выражали ненависть к буржуазии, на массовках смело заявляли: мы

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5688, л.л. 18—19.

должны свергнуть самодержавие, разбить капиталистов и помещиков»¹.

Осенью 1905 года борьба трудящихся страны против царизма усиливается. Сентябрьская стачка московских рабочих переросла в октябре во всероссийскую политическую забастовку. В середине октября на Северном Кавказе бастовали рабочие и служащие Владикавказской железной дороги. К бастующим примкнули почтово-телеграфные служащие. 6 ноября начальник почтово-телеграфного управления области разослал специальные телеграммы с требованием к своим подчиненным не принимать участия в революционной борьбе, не слушать агитаторов, так как почтовые служащие ранее «клялись служить честно на пользу государства и общества»². Телеграмма начальника не имела успеха — почтово-телеграфные служащие продолжали поддерживать бастующих рабочих.

Чтобы отвлечь народные массы от революционной борьбы, черносотенцы стремились посеять вражду между русским и горским населением и развязать братоубийственную войну. В предотвращении возможной бессмысленной резни большую роль сыграла горская интеллигенция, в том числе М. Керимов и Т. Эльдерханов. Они хорошо разбирались в местной обстановке и знали; что атаманы казачьих отделов просили вооружить станичников против «злонамеренных туземцев и к подавлению могущих произойти беспорядков». Но эти беспорядки создавались черносотенными элементами, которые на грозненском базаре 10 октября 1905 года убили 17 ни в чем не повинных чеченцев.

Когда в декабре 1905 года грозненские черносотенцы готовили новый погром, горцы 1 и 2-го участков Грозненского округа обратились за помощью к Т. Эльдерханову и М. Керимову. На многолюдном собрании чеченцев в городе Грозном Эльдерханов огласил подготовленный текст телеграммы на имя наместника. Телеграмма была одобрена и послана³. Не ожидая ответа, Эльдерханов и Керимов по поручению грозненских чеченцев отправились во Владикавказ на встречу с горской интеллигенцией обсудить меры, могущие «предотвратить возмож-

¹ ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 96, оп. 1, д. 1, л. 104.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 38, лл. 61—62.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5612, л. 1.

ное братоубийственное столкновение» между горцами и казаками. Вскоре во Владикавказ приехали представители селений Большой и Малой Чечни. Туда же прибыли представители казачьих станиц и казачьей интеллигенции. На совещании представителей горцев и казачества была определена общая линия поведения на местах, в станицах и аулах. «Мы видели, — писал Эльдерханов временному генерал-губернатору Терской области, — что в тяжелый момент разыгрались народные страсти, когда готова была вспыхнуть вражда двух племен, когда обострились сильно взаимные отношения, на нас возлагается ответственная задача; которую мы обязаны выполнить... Депутаты разъехались по домам, в свою очередь призвали население к миру и спокойствию. Общая работа не прошла даром, между казаками, горожанами и чеченцами установились добрососедские отношения»¹.

Таким образом, местная интеллигенция в какой-то мере сплачивала горцев с казаками, не давая им обмануть себя и стать врагами.

Крестьяне-горцы и казаки-станичники были уже не теми, что раньше. Бедняки-казаки чутко прислушивались к тому, что делалось в стране, они понимали, что трудящиеся настроены против своих угнетателей. Многие из обедневших казаков работали на грозненских нефтяных промыслах, часто становились кадровыми рабочими. Они были революционными агитаторами среди казачьих масс, распространяли в станицах революционные прокламации, рассказывали о классовых боях с царизмом. В первую русскую революцию часть казачества, пускай и небольшая, примкнула к ней. Узнав о классовых боях грозненского пролетариата, казаки из ближних и дальних станиц регулярно посещали Грозный. Они были свидетелями демонстраций, забастовок, стычек рабочих с полицией и жандармами. Уже летом 1905 года из станицы Михайловской на митинг грозненских рабочих отправилась группа казаков, в том числе Василий Маслевцев, Илья Чайкин, Гавриил Турков, Павел Капытолов и мещанин Михаил Карасев. Возглавили эту группу студенты Николай Белоусов, Александр Чайкин и станичный учитель Павел Крещенский. С митинга казаки привезли много печатных революционных листовок, ко-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5612, л. 2.

торые раздавали казакам, «призывая всех присоединиться к Грозненскому бюро и свергнуть существующее правительство»¹.

В самой станице обстановка накалялась. Уроженцы станицы — студент инженерного института Н. Белоусов и студент ветеринарного института А. Чайкин, сын местного фельдшера, — в базарные дни ходили на площадь, собирали людей и призывали покончить с существующим строем. Казаки и студенты станицы Михайловской установили связь с железнодорожными станциями — Прохладной и Минеральными Водами, откуда привозили революционную литературу и распространяли ее в своей и других станицах. Те же Н. Белоусов и А. Чайкин в станице Слепцовой составили от имени казаков «петицию для отправления в Грозненское бюро революционеров».

По-видимому, наивысшим пунктом революционных событий в станице Михайловской было 21 декабря 1905 года. В этот день по набатному звону колокола собрались все казаки. Там А. Чайкин прочитал манифест от 17 октября, «а потом начал говорить о неправильных действиях начальствующих лиц по отношению к русско-японской войне»². Трудно сказать, о чем говорил А. Чайкин на этом митинге, так как цитируемые материалы взяты из протоколов дознаний царских следователей. Известно только, что А. Чайкин прочитал заранее написанный от имени казаков приговор о согласии «присоединиться к Грозненскому бюро», который и «был подписан многими жителями». На этом митинге выступило еще 9 человек. Они говорили, что если казаки присоединятся к членам Грозненского бюро, то свергнут всех начальников и установят у себя народное управление.

В большой, многотысячной станице Слепцовой, как и в Михайловской, казаки бурно волновались. Некоторые из них также ездили в Грозный, Прохладную, Минеральные Воды и потом рассказывали станичникам, что видели и слышали там. Большую агитацию в станице вели приехавший из города Гори В. Ф. Мазаев и из города Владикавказа И. М. Гриднев. Когда из других станиц и селений приезжали крестьяне и казаки на слепцовский

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 120, оп. 1, д. 6, л. 115.

² Там же.

базар, Гриднев и Мазаев призывали их свергнуть царизм и его представителей на местах¹. Мазаев и Гриднев использовали все возможности, чтобы вести революционную пропаганду среди казаков. Вечером 28 декабря Мазаев зашел в общественную чайную, где в это время было много казаков, «начал называть их и вообще всех казаков негодьями, трусами и убийцами за то, что они беспрекословно слушаются своих негодных начальников и убивают честных людей, стремящихся свергнуть начальство, живущее за счет народа»². В тот же вечер Гриднев в Слепцовском станичном правлении, где находилось много казаков вместе с станичным атаманом Табаевым, выступил с революционной речью. Табаев вряд ли разделял взгляды пришедшего оратора, но молчал, боясь для себя плохих последствий. Гриднев, помимо всего прочего, «начал обзывать высших казнокрадами и мошенниками». Многие казаки разделяли взгляды Гриднева и Мазаева. «Возмутительные речи Мазаева и Гриднева, — доносил чиновник, — с глубоким убеждением и твердой настойчивостью поддерживали между жителями станицы Слепцовской казаки той же станицы: Андрей Ершов, Иван Попов, Матвей Бабин и многие другие»³.

Из документов не видна партийная принадлежность Н. Белоусова, А. Чайкина, В. Мазаева, И. Гриднева и других, а также непонятно, что они подразумевали под Грозненским бюро. По-видимому, это был Грозненский комитет РСДРП.

И на казаков станицы Слепцовской оказали большое влияние грозненские рабочие. Впоследствии следователь писал: «Кроме того, также очень сильно возбуждал против правительства казаков часто приезжавший в станицу Слепцовскую казак этой станицы на грозненских нефтяных промыслах Максим Демидов. Он даже составлял слепцовским казакам какую-то петицию для представления в Грозненский комитет, но была ли таковая представлена — неизвестно»⁴.

Таким образом, горцы, крестьяне и часть казаков выступили против самодержавия. «Туземное население, — писала газета «Казбек», — относится с большим сочув-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 120, оп. 1, л. 6, л. 115.

² Там же, л. 117.

³ Там же.

⁴ Там же.

ствием к освободительному движению, постепенно к нему примыкают и казачьи станицы»¹.

Грозненские рабочие под руководством большевиков вели революционную пропаганду среди терского казачества. 24 декабря 1905 года четырехтысячным тиражом было отпечатано воззвание Грозненского комитета РСДРП «Товарищи казаки!» Большевики призывали станичников к борьбе с самодержавием. В том же месяце черносотенцы и кулаки станицы Карабулакской пытались натравить казачество на грозненских рабочих. Но в станицу явились представители пролетариата Ткачик и Степанов. Впоследствии Ткачик вспоминал, что они «устроили собрание в станичном правлении, на котором раздали воззвания и пояснили, как могли, почему рабочий народ бастует. Наши слова взбудоражили казаков: зажиточные требовали нашей смерти, а беднота отстаивала правду... Приехав в Грозный, мы сделали доклад о нашей поездке общему собранию в жел. дор. клубе»².

Большевистская пропаганда проникала не только в солдатские, но и казачьи казармы. Под влиянием декабрьской стачки грозненского пролетариата во 2-м Горно-Моздокском казачьем полку произошли «политические беспорядки». По заданию городского комитета РСДРП в казармах этого полка был собран митинг. Большевик-офицер В. Плиев потребовал созыва учредительного собрания и призывал готовиться к «вооруженному восстанию и ниспровержению в государстве общественного строя». Казаки «решили требовать от правительства выдачи пособий семействам призванных в армию, улучшения быта солдат, смягчения военного режима и т. д.»³

Эти факты убеждают, что часть казачества стала на революционный путь, что трудящиеся казаки проходили школу революционной борьбы и это пригодилось в дальнейшем.

Но накапливала силы казачья реакция. В самый разгар бурных событий, в декабре 1905 года, в станице Червленной несколько дней заседал контрреволюционный съезд депутатов казачьих станиц среднего и нижнего

¹ «Казбек», 1905, декабрь.

² «Грозненский рабочий», 1925, 20 декабря.

³ Ф. И. Самарин. В мятежные годы. Грозный, 1961, стр. 73—74.

Терека. Присутствовали только станичные атаманы и казачьи офицеры. О контрреволюционном направлении этого съезда говорит его программа. Были поставлены следующие вопросы: как определить отношение казаков к современному положению, желательно ли участие казачьих войсковых частей в мятежах и волнениях, как должны ответить казаки на поднятую против них газетную травлю за участие войсковых казачьих частей в подавлении беспорядков и рабочих волнений, как думают казаки осуществить свое право на представительство в будущей Государственной думе, не желательно ли ввиду общих тревожных обстоятельств для казаков объединиться и что для этого сделано. Было много других пунктов, в частности, касавшихся отношения к горским народам, к быту самих казаков¹.

Намеченная программа полностью была выполнена, и по основным пунктам ее были приняты постановления. Достаточно привести некоторые из них, чтобы убедиться в их контрреволюционном содержании. Например: «Объявить, что казаки с признательностью принимают высочайший манифест 17 октября 1905 года; полагают достигать коренного переустройства не мятежами и насилием, а мирной законодательной заботой Государственной думы. Казаки непоколебимо верят слову государя. Мятежи и волнения не только не способствуют осуществлению обещанных государем-императором свобод, но, наоборот, отдалают наступление желательного момента. Казаки протестуют против выделения в отдельные автономные единицы целых обширных областей, над собиранием которых в течение десятилетий трудился русский народ, в том числе и казаки, как верные стражи окраин России»².

Решения казачьего съезда были пропитаны ненавистью к рабочему классу, к горцам и другим народам, входившим в состав Российской империи. Казачья верхушка стремилась побудить казаков быстрее подавить революционное движение на Тереке.

На этом же съезде выяснилось, что рядовое казачество не только сочувствует рабочему классу, но и подпадает под его влияние. В протоколе съезда отразилось беспокойство казачьей верхушки по поводу роста рево-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 628, лл. 5—6.

² Там же, л. 3.

люционных настроений среди простого казачества. «Ввиду доходящих известий и слухов о начинающемся брожении среди служащих воинских чинов и общем шатании мыслей, — говорится в протоколе, — съезд постановил, что он с чувством крайнего прискорбия и глубочайшего сожаления выслушал газетные сообщения о предъявленных сотнями 2-го Горско-Моздокского полка, расквартированными в гор. Грозном, мелочных и вздорных требований об улучшении своего быта и протестует против самой возможности подобных требований в настоящее грозное время»¹. Съезд терской казачьей верхушки высказался против тех казаков, которые выступали за революционные изменения в стране, против самодержавного строя.

Не только на Тереке, но и в других местах многие казаки или поддерживали рабочих, или занимали нейтральную позицию. Когда в декабре 1905 года в результате вооруженного восстания новороссийских рабочих власть в городе перешла в руки Совета рабочих депутатов и была образована Новороссийская республика, часть казаков заняла нейтральную позицию, другая при помощи железнодорожников погрузилась в эшелон и покинула город.

Временный генерал-губернатор Терской области Коллюбякин надеялся на казаков. При их помощи он уже осенью 1905 года хотел подавить революционное движение в крае. В особом приказе по Терскому казачьему войску 14 декабря 1905 года он обращался к казакам: «Пусть сгинет это дьявольское наваждение. Пусть мимо нас идет эта страшная чума!»² Надежды его не оправдались. Отдельные округа, а затем и вся Терская область были объявлены на военном положении.

Усиливаются репрессии против рабочих, крестьян, интеллигенции. Царской администрации помогают в этом офицеры из чеченцев и ингушей. Особенно был активен Чуликов, выходец из богатой чеченской семьи, предки которого преданно служили царизму. Верный слуга самодержавия, ротмистр Чуликов преследовал прогрессивную национальную интеллигенцию, в том числе Эльдерханова. Чуликов обвинял его в том, что он опубликовал в газете статью, в которой нелестно было

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 628, л. 8.

² Там же, д. 2354, лл. 69—70.

сказано о начальнике Грозненского округа, о его торговле казенным имуществом. Учитель Эльдерханов обвинялся и в том, что его единомышленники якобы «вошли в тайные соглашения с какими-то студенческими обществами и благодаря этому обстоятельству в округе введено военное положение»¹. Ротмистр Чуликов знал об авторитете, каким пользовался Эльдерханов среди крестьян-горцев. Когда они уполномочили Эльдерханова присутствовать на Червленском съезде горцев и казаков. Чуликов своей властью запретил ему покидать пределы Грозного. «Ротмистр Чуликов, — жаловался Эльдерханов временному генерал-губернатору Терской области, — наотрез отказался подписывать приговоры восьми аулов об избрании меня доверенным, мотивируя свой отказ теми же причинами: неблагонадежностью, вредным для общества направлением и прочими моими недостатками»². Так царские чиновники и офицеры пытались изолировать крестьян-горцев от влияния на них передовой интеллигенции.

Начались репрессии против рабочих-активистов и партийных работников Грозного. В октябре и ноябре полиция арестовала большую группу руководителей грозненских рабочих.

Однако репрессии не всегда помогали. В ответ на усилившийся террор представителей царской власти ингуши убили начальника Назрановского округа подполковника Митника, одного из жестоких карателей. Три тысячи крестьян Веденского округа в феврале и марте 1906 года собрались в Устар-Гордое и в присутствии генерал-губернатора требовали убрать ненавистного начальника округа подполковника Ханжалова, иначе грозили восстанием. Усиливается абреческое движение. Правда, в порыве мести анархически настроенные абреки допустили крупную и непоправимую ошибку. В ответ на убийство черносотенцами 17 ни в чем не повинных чеченцев на грозненском базаре в октябре 1905 года абреки через 7 дней остановили поезд у станции Кади-Юрт и в отместку расстреляли 17 русских. Этим актом абреки изолировали себя от поддержки русских крестьян и бедняков-казаков.

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5612, лл. 1--2.

² Там же, ф. 20, оп. 1, д. 2354, л. 2.

Хотя абреки и активизировали свою деятельность, но они были изолированы от крестьянского движения. Абреки действовали мелкими группами, в состав которых входили родные и близкие. Они мстили крупным административным лицам, имевшим неограниченную власть над горцами. Недоброй славой в народе пользовался помощник начальника Грозненского округа подполковник Добровольский, который буквально издевался над крестьянами. Во многих селениях, в том числе и в Харачое, Добровольский держал за счет крестьян военные отряды, арестовывал непокорных горцев, преследовал родственников Зелимхана и других абреков. В известном письме в Государственную думу Зелимхан писал: «Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыл свой срок наказания и в особенности брат — самый тихий и добродушный из харачоевцев — подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время, под тем или иным предлогом, и пр. пр. мелочам, пересказывать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда невыносимою»¹.

Зелимхан рассказывает далее, как Добровольский преследовал его семью, как он на дороге Ведено—Грозный встретил брата Солтамурада и приказал отобрать у него оружие. Брат сказал, пишет Зелимхан, «что оружие его азиатского образца и выдать он его не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Солтамурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль: не знаю, с какой целью — напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление»².

Не желая открыто выступать против Добровольского, Солтамурад, по совету Зелимхана, скрылся из дому и ушел за пределы Чечни. Но его выследили, поймали в Дагестанской области, посадили в петровскую тюрьму, где он пробыл около года. 4 апреля 1906 года на веденской дороге Зелимхан отомстил Добровольскому — убил его. В письме в Думу Зелимхан писал: «За то, что он за-

¹ Кавказские разбойники... стр. 114.

² Там же, стр. 115.

ставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью»¹.

В 1905 году в связи с начавшейся революцией, чтобы усилить административную и полицейскую власть, из Грозненского округа был выделен отдельный Веденский округ, начальником которого назначили подполковника Галаева. В августе 1906 года к нему начали приходить монархически настроенные чеченские старшины с жалобами, что в их «селениях нет порядка, жители не слушаются старшин, не исполняют их приказаний, не являются на вызовы в суд, не выполняют повинностей, не платят уже несколько лет подряд жалования старшинам»².

Крестьяне-горцы требовали увеличить земельные наделы за счет казенных земель. Крестьяне селений Мерджой-Берем и Ачхой просили выделить 11 600 десятин земли из Бамутской казенной дачи и отдать их в пользование безземельным чеченцам. Были и другие требования. О настроении крестьян и их требованиях летом 1906 года можно судить по письму доверенных крестьян селений Урус-Мартан, Бердыкель, Шали, Исти-Су и Старый Юрт, где проживало около 27 тысяч горцев, на имя наместника Кавказа. В нем выставлен ряд требований. Крестьяне прежде всего требовали, чтобы старшин не назначали, а сами крестьяне их избирали, как это делается в казачьих станицах. Содержать старшин надо не за счет крестьян, а за счет казны. Крестьяне указывали на тяжесть содержания аульных правлений, ремонта их помещений, расходов на освещение, содержания писаря, а в некоторых селениях и помощника его, переводчика, сторожа и т. п. Они жаловались на денежные поборы. За все требуют деньги, «которые мы должны извлекать из хозяйства своего, отнимая деньги эти от жен и детей наших». Писарями, жаловались далее крестьяне, присылаются люди «с потерянной репутацией, лишенные прав по суду». Раз он грамотный, его зачисляют на свободную вакансию. Писари дружат с плохими людьми, берут от них взятки, часто записывают им ворованный скот и лошадей в тетради, выдавая на ворованный скот удостоверения для продажи. Честный же человек, если он не

¹ Кавказские разбойники... стр. 115.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967, стр. 191.

дает писарю магарыч, не только не продаст своей лошади или коровы, но и попадет в беду — их отберут на базаре как краденое. Поверенные селений жаловались и на то, что с них 7 лет берут страховые деньги на случай пожара, но, когда строения сгорят, крестьянам никаких страховых денег не платят. Обременительная повинность для крестьян — посылать для круглосуточного дежурства караульчиков по охране железнодорожного полотна. На собственных землях чеченских генералов Чермоева и Курумова, расположенных вблизи селения Чечен-Аул, имеются хутора. И эти хутора с весны до осени должны охраняться «горцами от чеченцев»¹. В этом письме крестьян наглядно показано их бесправное положение и произвол начальства. Никакого ответа на свою жалобу крестьяне не получили.

Только крестьяне Веденского округа были верны себе. Они меньше жаловались начальству, а больше сопротивлялись ему. Начальник округа Галаев и его приближенные считали это результатом деятельности агитаторов-горцев, которые убеждали крестьян, что «царская власть совершенно обессилена революцией, что царя в России уже нет, и таким образом доказывали, что наступило самое удобное время для снятия с себя недоимок, денежных повинностей и для устранения неугодных населению местных властей с заменой их выборными людьми»². Во всех селениях, куда ни приезжал Галаев, крестьяне на сход не являлись. В ауле Хой на месте схода он, кроме старшины, никого не нашел. «Жители, — писал ретивый полковник, — не пожелали меня видеть, показывая этим, что не признают меня за начальника»³.

Неповиновение царской администрации явилось в ряде случаев результатом большой работы грозненских большевиков, которую они проводили среди горцев, крестьян и казаков. Атаман Сунженского отдела Суворовский в 1905 году доносил временному генерал-губернатору области, что «в связи с появившимися забастовками рабочих и пропагандой революционных идей» в станицах и аулах Сунженского отдела участились случаи «беспорядков». «Злонамеренные лица, — сообщал Суворовский, — кроме подстрекательства, хотят поднять народ и

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5688, лл. 5—11.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, стр. 191.

³ Там же.

прибегают к разбрасыванию в населенных местах листовок...»¹ В Шатоевском гарнизоне и среди окрестного чеченского населения большую работу проводил член РСДРП А. Болдырев. В июне 1906 года он писал своему товарищу: «С чеченцами дружбу завел, пользуюсь доверием и сегодня меня должны познакомить с их главарями, которые будут просить меня помочь словом и делом... Не знаете ли вы способа пересылки писем членам Думы, так как писать прямо в Думу рискованно, а здешние чеченцы хотят писать своему члену Эльдерханову»². В революционной пропаганде среди чеченского населения Болдыреву помогал фельдшер Шатоевского лазарета М. Дугинов. Они регулярно получали от Грозненского комитета РСДРП брошюры, газеты, листовки «противоправительственного содержания».

Крестьяне-горцы через агитаторов узнавали о том, что делалось в пролетарском Грозном. 25 июня 1906 года должен был состояться рабочий митинг. В назначенный день на площади у Пушкинского училища собрались три тысячи бастующих рабочих. Прибыли рабочие с нефтепромыслов, городских предприятий, из депо, а также большая делегация от чеченских сельских обществ. Начальник Грозненского округа вывел на площадь казаков и две роты пехоты Дагестанского полка. Он готовил рабочим кровавую расправу. Но солдаты Дагестанского полка, имевшие связи с передовыми рабочими, обещали им «не стрелять в рабочих, даже, может, защитить от казачьего нападения». Планы начальника округа были сорваны. Рабочие вместе с крестьянами-горцами, вооружившись чем попало, начали избивать казаков, которые спаслись бегством. Две роты Дагестанского полка в «эти критические моменты не шевелились, чтобы подать помощь сдавленным со всех сторон казакам». Жандармы заключили, что «дагестанцы — опора революционного элемента»³.

Осенью 1906 года борьба крестьян-горцев не прекращалась. Когда в октябре начальник 5-го участка Веденского округа Владиславский отправился в селение Макажой и вооруженной силой пытался усмирить крестьян,

¹ «Новый восток», 1926, № 13-14, стр. 159.

² А. И. Хасбулатов. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в период революции 1905—1907 гг. Грозный, 1966, стр. 102.

³ ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 96, д. 7, лл. 1—3.

его забросали камнями. Через несколько дней в селении Шаро-Аргун ночью кто-то выстрелил из берданки в закрытое ставней окно дома, где жил Владиславский. Он был тяжело ранен и потом навсегда покинул Веденский округ¹.

Для того чтобы сломить сопротивление крестьян, в мятежные селения Веденского округа направили батальон пехоты, две сотни казаков и горную артиллерию. Во многих селениях крестьянское сопротивление было подавлено. Только крестьяне аулов Нижелой, Нихалой, Кой и Макажой по-прежнему не подчинялись властям. Тогда 18 декабря по этим селениям открыли артиллерийский огонь. Сакли и все надворные постройки были уничтожены. Обезумевшие от страха люди бежали в горы, другие были арестованы и отправлены в ссылку в Сибирь.

В начале 1907 года горцы продолжают высказывать свое недовольство в форме жалоб на старшин и местную администрацию. В феврале крестьяне селения Урус-Мартан в письме наместнику Кавказа требовали заменить сельскую администрацию достойными людьми. Начальник участка, говорили они, «для нас недоступен, да и вообще его деятельностью мы недовольны, так как она по существу крайне вредна». Писарские должности, требовали крестьяне, должны замещаться грамотными чеченцами; в конвое начальника округа должны быть всадники из чеченцев, «нам легче было бы ориентироваться при явке в учреждение к начальнику, так как нас казаки толкают в шею». Крайне необходимо «искоренить зло. Зло это взяточничество, существование которого несомненно уже из того, что самые порочные люди наши у начальства на первом счету и лучшие люди». Крестьяне требовали земли. Они резко критиковали Червленские съезды 1906 и 1907 годов, которые постановили учредить особый капитал для поисков «воров и грабителей».

В этом письме звучит протест против волокиты и безразличного отношения к нуждам крестьян со стороны царских чиновников. «Жалобы на начальника, — писали крестьяне, — всегда отзываются на нас самих самым пагубным образом... При теперешнем начальстве нам жи-

¹ См.: Н. С. И в а н е н к о в. Горные чеченцы. — Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910, стр. 158.

вется очень и очень плохо и горько, чем когда-нибудь в течение полвека»¹.

В 1906 году во Владикавказе начала работу комиссия, учрежденная наместником Кавказа. Она должна была изучить землепользование крестьян нагорной полосы Терской области и найти пути для увеличения крестьянских наделов. Большинство членов комиссии сошлись на том, чтобы все земли, находящиеся в пользовании и владении крестьян, объявить государственными. Против такого решения выступили многие горцы. В 1907 году особенно резко протестовали против действий комиссии ингуши из Мецхельского общества. Крестьяне обвиняли ее в том, что она нарушает царские обещания. При присоединении Ингушетии к России царь как будто бы обещал, что права на все ингушские земли будут признаваться за горцами до тех пор, пока они будут сохранять верность правительству. Крестьяне далее заявляли, ссылаясь на здравый смысл, что если во время захвата силой оружия за населением обычно сохраняются все гражданские и имущественные права, то тем более это должно иметь место при добровольном присоединении. Ингуши не силой оружия присоединены, писали крестьяне, «а добровольно отдались под власть России, а это одно обстоятельство исключает всякую мысль и возможность конфискации имущества»². Крестьяне требовали полностью передать в их распоряжение леса, которыми они веками пользовались. Они считали, что, им должны принадлежать не только поверхность, но богатства, спрятанные в земле. К слову сказать, в это время в Ингушетии было много партий, искавших нефтеносные площади. «Таким образом, — заключали они, — вопрос о принадлежности нам земель и лесных площадей, которыми мы пользуемся на праве собственности, вопреки мнению большинства членов комиссии, должен быть решен в положительном смысле, а домогательства казны как не имеющие под собой законной почвы должны быть отвергнуты, ибо источником прав казны может быть только право сильного — захват»³.

Основная мысль крестьян-ингушей сводилась к тому, что царизм не имеет права распоряжаться лесами, зем-

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5738, лл. 2—3.

² Там же, ф. 270, оп. 1, д. 20, л. 4.

³ Там же, л. 6.

лей, ее недрами и другими природными богатствами по той лишь причине, что все это принадлежит народу, является народным достоянием. Это был прямой вызов царизму и его представителям на местах.

В Ингушетии крестьяне оказали и открытое сопротивление. В августе 1907 года горцы селения Кескем совершили «насилие над старшиной». Для наказания крестьян туда была направлена воинская команда на постой за счет жителей селения. В виде штрафа кескемские крестьяне должны были отдать 30 винтовок и 2500 патронов или уплатить деньгами по 50 рублей за винтовку и одному рублю за патрон. Для наказания горцев в селения Кантышево и Сагопши также были введены войска¹. Почти в это же время крестьяне селения Верхний Наур напали на экономию Мазаева, где произошла кровавая резня.

Крестьяне Веденского округа наиболее стойко отстаивали свои права. Когда летом 1907 года им предложили выполнить требования начальства в семидневный срок, они ответили, что «никаких сроков не нужно, так как они ни под какими угрозами не подчинятся требованиям»². Тогда начальник Веденского округа Галаев во всех крупных населенных пунктах поставил войска, на дорогах усилил воинские посты. По распоряжению начальника округа многих горцев выслали за пределы Кавказа. Галаев, по словам Зелимхана, «сразу выслал из Веденского округа 500 человек якобы за воровство, которые вернулись в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ... Я ему предлагал письменно оставить всех этих ни в чем не повинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие он может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем только он хочет»³.

Зелимхан бросил смелый вызов царским властям в лице Галаева. При этом он хорошо знал, что царские власти пойдут на все, чтобы его физически уничтожить. Сохранилась записка Зелимхана не известному для нас Муссе. В ней он писал, что Дада, сын Абасса Хубарова, дал слово начальству «убить меня за большие деньги, и начальство дало ему берданку. Прошу вас дать мне

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 18.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, стр. 196.

³ Кавказские разбойники... стр. 116.

знать, за что он хочет меня убить. Если ему нужно имущество и много серебра, я ему дам больше, чем они. Но если ему не нужно имущество, то пусть от меня держит себя подальше. Это лучше всякого богатства для него в этом мире»¹.

Непокорившихся крестьян и абреков царские власти жестоко преследовали. Горцы поддерживали Зелимхана и других абреков, укрывали их. Они видели в предводителе абреков Зелимхане народного мстителя, расправляющегося с ненавистными врагами. Царские власти принимали изощренные меры для поимки или убийства Зелимхана. В 1906 году временный генерал-губернатор Терской области за это обещал награду в 3000 рублей. За его отца и брата — по 500 рублей. За менее известных абреков — другую сумму. Об этом знали чеченское население и казаки. Но абреки свободно проезжали мимо военных постов, свободно ездили в чеченские и ингушские селения на многолюдные базары. Многие казаки встречались с абреками в горах, на дорогах, но с молчаливого согласия не трогали друг друга. Больше того, с 1906 по 1908 год ни один начальник военного поста, ни один рядовой казак не донес на Зелимхана высшим властям. Многие казаки, лично знавшие Зелимхана, впоследствии на допросах во всех деталях сообщали приметы Зелимхана, его брата и отца². Более полный портрет Зелимхана оставил нам русский офицер, встречавшийся с ним на хуторе далеко в горах: «Среднего роста, плотный мужчина, лет около сорока, с сине-карими недобрыми глазами, с черной подстриженной бородкой и характерным чеченским носом. Один глаз у него немного косил. Он был в простой серой черкеске домотканого сукна, с хорошим кинжалом и карабином драгунского образца. Его спутники были одеты также небогато»³.

Храбрость Зелимхана, его находчивость, сопутствовавшая ему удача поражали не только его приверженцев, но и врагов. Он был сообразительным, неуловимым, всегда выходил из самого затруднительного положения. После смелых набегов на богатые магазины, крупные денежные кассы всегда уходил без потерь. Так, весной

¹ Д. Гатыев. Зелимхан. Орджоникидзе, 1965, стр. 145.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3273, лл. 3—4.

³ В. Казачковский. Цит. соч., стр. 111.

1907 года в самый разгар вечернего движения по главным улицам Грозного Зелимхан тихо и спокойно ограбил ювелирный магазин, «который помещался в самом центре города, против городского сада, рядом с квартирой начальника округа и его управлением, где дежурил целый пост милиции, и всего в 400 шагах от казармы сотни казачьего полка»¹.

В первую буржуазно-демократическую революцию Зелимхан с абреками как бы дополнял крестьянские выступления. Только этим можно объяснить, почему так упорно, настойчиво и дольше других сопротивлялись крестьяне Веденского округа. У них Зелимхан находил поддержку и сочувствие. В минуту опасности они укрывали его и его сподвижников. При удачном набеге на богачей Зелимхан раздавал деньги крестьянской бедноте и семьям сосланных в Сибирь или в северные губернии России. Это подтверждает и сам Зелимхан: «Хозяйства как сосланных, так и заключенных совершенно разорились, жены и дети их живут подаванием добрых людей, да тем, что я иногда уделяю им из своего добра после удачного набега»².

Слабой стороной деятельности Зелимхана было то, что он стоял в стороне от крестьянских масс и действовал в одиночку с небольшой группой приближенных людей. Он жил прошлыми, давно ушедшими в историю событиями и героями: кавказской войной и ее руководителями. В случайно потерянной сумке Зелимхана среди других вещей находились почтовые открытки с изображениями Шамиля, Хаджи-Мурата и наибов Шамиля в Чечне. Круг его политических понятий также был ограничен. В этом не вина, а беда Зелимхана. На него влияла чеченская национальная буржуазия. Играя на национальных и мусульманско-религиозных чувствах Зелимхана, она стремилась использовать его в своих классовых целях. Начальник Грозненского округа сообщал в область, что когда Зелимхан хотел взять в плен проживающую в Грозном семью ротмистра Донагуева, то его план был «отклонен интеллигентом из туземцев, имеющим громадное влияние на Зелимхана»³. Таким представителем интеллигенции мог быть выходец из нацио-

¹ В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 105.

² Кавказские разбойники... стр. 116.

³ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3294, лл. 5—6.

нальной вершушки в лице Курумовых, Чермоевых, Мациевых и других. В то же время Зелимхан, по сведениям агентуры, говорил своим приближенным и всем горцам, с которыми он встречался, о скором прибытии из Дагестана «большого шейха (святого), который будет воевать против гяуров»¹. Все это, вместе взятое, оказало свое влияние на дальнейшую деятельность Зелимхана и других абреков.

Таким образом, в революции 1905—1907 годов в Чечено-Ингушетии только грозненский пролетариат показал себя беззаветным и последовательным борцом против царизма и всего существующего строя. Он и его передовой отряд — большевистская организация — оказали революционизирующее влияние на крестьян-горцев, бедняков-казаков, прогрессивную интеллигенцию. Основная же масса горцев стояла в стороне от революционных событий. Это объясняется тем, что после завоевания царизмом Кавказа Чечено-Ингушетия находилась на осадном положении. Гарнизоны солдат в крупных населенных пунктах, казачьи сотни и даже полки, густой сетью расположенные на территории Терской области, колониальные методы управления народом держали в страхе крестьян-горцев. Только крестьяне Веденского округа, отдельных селений Ингушетии проявили настойчивость и мужество в борьбе с царской администрацией. Темнота и забитость горцев, их разобщенность мешали сплочению. К крестьянам Чечено-Ингушетии можно отнести слова В. И. Ленина о том, что в революции 1905—1907 годов «крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»². Революция 1905—1907 годов была подавлена как в центре, так и на национальных окраинах.

Революционное движение рабочих и крестьян Чечено-Ингушетии было неотъемлемой частью первой русской революции. В ходе революции трудящиеся Чечено-Ингушетии все более и более проникались сознанием того, что они являются неразрывной частью единой революционной армии всей страны, что их борьба — это часть общей борьбы российского пролетариата и крестьянства против царизма, помещиков и капиталистов.

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3294, лл. 5—6.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, стр. 322.

ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Наместник Кавказа Воронцов-Дашков на второй же день после своего назначения 30 марта 1905 года обратился с воззванием «К населению Кавказского края». Он обещал собрать расширенное совещание представителей дворянства, городов, духовенства, в том числе мусульманского, делегатов сельских обществ, на котором будто бы будет решено, как улучшить административное, судебное устройство кавказских народов и землепользование горских крестьян¹. Широковещательное заявление наместника кавказские большевики расценили как новый маневр царизма по одурачиванию народных масс. Либерально-монархической буржуазии воззвание Воронцова-Дашкова пришлось по душе.

По его распоряжению в апреле 1906 года была создана землеустроительная комиссия для изучения земельного вопроса в нагорной полосе Терской области. Но составленные комиссией проекты землеустройства нагорной полосы вызвали бурю негодования у крестьян, которые в них увидели очередной маневр царизма. Обещание Воронцова-Дашкова провести землеустройство, данное в 1905 году, оказалось мыльным пузырем. У крестьян нагорной полосы по-прежнему остались небольшие клочки земли и голодные семьи.

Чтобы отвлечь российских крестьян от революционной борьбы против помещиков, в стране проводилась так называемая столыпинская реформа. Столыпинский террор и аграрная реформа были двумя сторонами одного плана подавления революции. 4 марта 1906 года появился правительственный указ о создании уездных и губернских землеустроительных комиссий. Они должны были устроить крестьянские земли. Этот указ породил другие законодательные акты, среди которых видное место занимает указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения». Он определял порядок выхода крестьян из общины и закрепления в личную собственность наделенной земли. Короче говоря, указ был направлен на уничтожение общинного земле-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3254, л. 20.

пользования и утверждение кулацкой земельной собственности. Царское правительство стремилось расколоть крестьянство, создать слой «новых помещиков» — кулаков за счет разорения трудящихся крестьян, превратить кулака в прочную опору контрреволюции в стране.

Еще до столыпинской земельной реформы бурное развитие капитализма разрушило общинный строй русской деревни. «Аграрный бонапартизм Столыпина... — писал В. И. Ленин, — не мог бы даже родиться... если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!»¹

Для предотвращения «аграрных беспорядков» среди горцев начальник Терской области попытался практику проведения столыпинской реформы перенести на Северный Кавказ — создать слой кулаков — собственников земли. Поводом к этому послужило обращение к властям староатагинских малоземельных крестьян с просьбой выделить им земельные наделы за счет казенных лесных дач, которые можно расчистить под пахотные поля. Об этом же просили крестьяне многих других селений. 12 сентября 1906 года временный генерал-губернатор Терской области написал наместнику Кавказа, что хотя и работает особая комиссия по землеустройству крестьян нагорной полосы, но в отношении плоскостных крестьян, которые испытывают недостаток земли, пока еще ничего не предпринимается². Временному генерал-губернатору было известно, что за 50 лет после вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи земельный фонд у плоскостных крестьян не изменился, население же увеличилось за счет естественного прироста и переселенцев с гор. Но, конечно, он заботился не о благосостоянии горцев, а чтобы предупредить «могущие возникнуть движения на аграрной почве». Поэтому, ссылаясь на закон от 4 марта 1906 года, он просил создать землеустроительные комиссии, а также разрешить крестьянам пользоваться ссудами из поземельного банка для покупки частновладельческих земель. В апреле 1907 года министерство финансов дало указание Кав-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 17, стр. 274.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5663, л. 1.

казскому отделению крестьянского поземельного банка в Екатеринодаре помочь населению в покупке земли. Но в заключении письма говорилось, что создавать землеустроительную комиссию в Терской области преждевременно¹. В 1908 году комиссия не начала своей работы «за неимением денежных средств». В начале 1909 года наместник Кавказа предложил временному генерал-губернатору Терской области обсудить на специальном совещании целесообразность создания этой комиссии для плоскостных горцев. Однако при этом он сомневался, что будущая комиссия сумеет изыскать способы увеличения наделов малоземельных, так как казенных земель совершенно недостаточно. Да и мало земель куплено крестьянским поземельным банком для этих целей. Воронцов-Дашков далее разъяснял, что главная цель комиссии состоит в том, чтобы улучшить условия крестьянского землевладения, устранить чересполосность и дробность земель, свести наделы в отдельные отруба. Наместник ссылался на опыт столыпинской реформы в Центральной России и при этом отмечал, что «по отношению Терской области с ее своеобразными местными условиями и особым укладом быта населения настоящий вопрос представляется не столь ясным и требует детального освещения»².

В Терской области, по мнению наместника, на казачье землепользование деятельность комиссии не предполагается распространять³. Землепользование иногородних крестьян, переселившихся из внутренних губерний России, «по-видимому, не требует особых мер к улучшению»⁴. Главное, чем нужно заняться комиссии, было землепользование горцев, «заботы о коих, — писал ли-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5663, л. 1.

² Там же, л. 38.

³ В положении о поземельном устройстве станиц и войсковых запасных земель говорилось: «Никакая часть земли и никакое угодье, в черте станичного юрта заключающееся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную ответственность».

⁴ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 2, д. 1666е, лл. 30—31.

Вопреки утверждениям Воронцова-Дашкова, большая часть иногородних находилась в очень тяжелом положении. Многие переселившиеся на Кавказ в конце XIX века, не найдя желаемой нормальной жизни, пытались устроиться на казенных землях Закавказья. В Северо-Осетинском архиве можно найти тысячи прошений крестьян с просьбами разрешить им переселиться в Закавказье. Однако далеко не все могли это сделать.

цемерно Воронцов-Дашков, — должны составлять содержание деятельности комиссии»¹. Заключил свои наставления наместник Кавказа следующими словами: «Именно к землепользованию этих туземцев указанные узаконения неприменимы, и они нормируются местными правилами. Посему предварительно до открытия комиссии надлежало бы в подробностях выяснить, какие из постановлений наказа отвечают условиям местного землевладения и какие требуют изменения и в чем именно»².

Выполняя указания наместника Кавказа, временный генерал-губернатор Терской области в феврале 1909 года провел совещание с ответственными чиновниками. Его участники подтвердили целесообразность создания землеустроительной комиссии. В Терской области, по заключению совещания, имеется, кроме потомственной земельной собственности казачьих офицеров и чиновников, еще 561 768 десятин частновладельческой земли, за счет которой и можно расширить землепользование плоскостных горцев при помощи комиссии и банка. Кроме того, в Терской области в распоряжении крестьянского поземельного банка находилось 6 тысяч десятин земли, которую при помощи комиссии можно было бы продать крестьянам. Областное совещание чиновников считало необходимым землеустроить русских крестьян и колонистов. В Кизлярском отделе находилось 6 волостей, в Нальчикском округе — одна волость и немецкая колония.

По мнению совещания, землеустроительная комиссия могла бы принести пользу в ликвидации чересполосицы надельной земли, четком разграничении крестьянских и частновладельческих земель. Наконец, по мнению совещания, землеустроительная комиссия могла бы заняться переселением 2375 душ мужского пола в Сибирь³. Предложения участников совещания не нашли поддержки у администрации. Она не желала заниматься улучшением жизни крестьян-горцев. Крестьянский поземельный банк также остался в стороне от нужд малоземельных горцев. Этот банк, основанный еще в 80-х годах прошлого века для перепродажи крестьянам помещичьих земель по

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 11, оп. 9, д. 5663, л. 38.

² Там же, л. 40.

³ См. там же, д. 5665, л. 41.

взвинченным ценам, в период столыпинской реформы стал ее орудием. Банк резко сократил продажу земли и выдачу ссуд сельским обществам, отдавая явное предпочтение отдельным домохозяевам-кулакам. К тому же у малоземельных горцев и денег не было, чтобы покупать дорогостоящие участки.

В стране наступила столыпинская реакция. Все инакомыслящие попадали в списки неблагонадежных, многих арестовывали и высылали в отдаленные места. Только за 1907—1909 годы в стране были осуждены по обвинению «в политических преступлениях» десятки тысяч человек, из них 7,5 тысячи казнено. От пыток и болезней умерло свыше 30 тысяч человек¹.

Кавказская администрация издавала многочисленные приказы и распоряжения о борьбе с революционерами. 7 июня 1907 года Воронцов-Дашков потребовал от губернаторов усилить репрессии против участников революционного движения. Многие грозненские большевики были посажены в тюрьмы и отправлены в ссылку². В городах Северного Кавказа увеличились штаты полиции. Закрывается ряд газет демократического и либерального направления. По указанию царя на Кавказ перебросили дополнительно 12 батальонов пехоты. В Чечено-Ингушетии карательные отряды стояли чуть ли не в каждом селении. Часто расстреливали людей без суда и следствия³. Царские чиновники применяли репрессии не только к селениям, но и к целым народам. Даже в черносотенной Государственной думе в 1910 году 58 депутатов протестовали против законности решения терской областной администрации применить ко всему ингушскому народу репрессивные меры, вплоть до введения экзекуционного порядка и взыскания 40 тысяч рублей недоимок, накопившихся за ряд лет. На каком основании, спрашивали депутаты, начальник Терской области решил взыскать «на удовлетворение семей убитых и раненых чинов отряда ротмистра Донагуева контрибуции в размере 25 рублей на каждый дым?» Терская администрация, возмущались депутаты, решила также лишить ингушский народ предоставленного ему права выбора

¹ См.: Очерки истории СССР (1907—1917 гг.). М., 1954, стр. 68.

² См. ЦГА Азербайджанской ССР, ф. 498, оп. 1, д. 59, лл. 95—96.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3278, л. 93.

сельских старшин¹. Горцев не только притесняли, но и обвиняли во всех смертных грехах. И в том, что они воровали скот и лошадей и этим наносили большой материальный урон остальному населению. Однако даже Лисичкин, депутат от Терской области, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к горцам, приводил цифры, из которых было наглядно видно, что от воровства скота больше страдали горцы, а не казаки или русские крестьяне².

Кавказская администрация в период наивысшего подъема революции обещала расширить сеть лечебных учреждений для горцев. Но обещание не было выполнено, о здоровье горцев по-прежнему никак не заботились. В 1909 году на 15 тысяч населения Терской области приходился один врач, на 35 тысяч человек — одна аптека. Если учесть, что все это было в городах и казачьих станицах, остальное население, по существу, не получало никакой медицинской помощи. Между тем болезни были широко распространены.

В России процветала темнота и неграмотность, а о грамотности горского населения и говорить не приходится. Несколько горских школ на 616 тысяч крестьян Терской области не давали реальных результатов. Еще в 70-х годах прошлого века чеченцы Ичкерии, горцы Хасав-Юртовского округа добровольно обложили себя школьным налогом по 30 копеек с дыма для образования школьного капитала. Более 30 лет население уплачивало этот сбор, образовался специальный капитал в 140 тысяч рублей, но ни одной горской школы так и не было открыто³. Премьер-министр Столыпин в 1910 году запретил создавать какие-либо просветительные общества из «инородцев».

Подавив революционно-освободительное движение угнетенных народов России, самодержавие начало проводить еще более агрессивный курс в национальном вопросе. Представители национальной буржуазии и помещиков прилагали все усилия, чтобы выслужиться перед царизмом и выторговать некоторые политические права для себя. В. И. Ленин писал: «Россия есть тюрьма наро-

¹ См.: Г. Мартиросян. Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928, стр. 53.

² См.: «Терек», 1910, 5 мая.

³ См.: А. Цаликов. Кавказ и Поволжье. М., 1913, стр. 86.

дов не только в силу военно-феодалного характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская поддерживает царизм, но и потому, что буржуазия польская и т. д. интересам капиталистической экспансии принесла в жертву свободу наций, как и демократизм вообще»¹.

И в эти суровые годы, когда, казалось, все было подавлено и уничтожено царизмом, исподволь революционное движение возобновлялось и крепло. В Чечено-Ингушетии борьба абреков не прекращалась. Неуловимый Зелимхан приносил много беспокойства царской администрации. Начальник Терской области генерал Флейшер уже после смерти Зелимхана писал: «Вопрос об уничтожении Зелимхана представлял очень болезненное место в управлении области и был предметом напряженной и неослабной деятельности чинов администрации и военного отряда»².

Царские власти пустили в ход буквально все средства: подкупы с целью убийства абреков, повальные экзекуционные постой во многих селениях, облавы и большие военные походы в горы и ущелья. На любое донесение о местонахождении абреков начальство моментально реагировало. В январе 1908 года крестьянин селения Гехи К. Кучугов сообщил начальнику Грозненского округа, что на Бамутском хуторе скрывается Зелимхан с отцом и братом, а с ними еще и дагестанский абрек. В тот же день казаки окружили хутор, но абреков там не нашли. В конце апреля на хутора Бамут, Галашки и Агин-Баса был отправлен большой воинский отряд, но снова не обнаружили абреков³. Искали их и в других округах. В преследовании родственников Зелимхана, его односельчан активно участвовал начальник Веденского округа полковник Галаев. Его не один раз предупреждал Зелимхан, просил прекратить репрессии против ни в чем не повинных крестьян. В июне 1908 года Галаев был убит Зелимханом. За это решили наказать всех крестьян Веденского округа. Их силой заставили собрать «капитал» в 16 426 рублей, из которых

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 27, стр. 67.

² «Терские ведомости», 1913, 14 ноября.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3273, л.л. 13—14.

убивший или поймавший Зелимхана Гушмазукаева должен был теперь получить 8000 рублей, за поимку Солтамурада Гушмазукаева обещали выдать 3000 рублей, а за их отца — 1500 рублей. Доносчик, указавший место пребывания абреков, должен был получить 1000 рублей¹.

Об этой «таксе» оповестили все население. Власти создавали многочисленные летучие отряды для поиска абреков. В 1908 году одним из таких отрядов командовал хорунжий Яицков. Местному начальству предписали подчиняться ему, содействовать во всем². Зелимхан дважды, летом и осенью 1908 года, требовал от нового начальника Веденского округа подполковника Каралова прекратить гонения на народ, возвратить сосланных, «угрожая в противном случае поднять тревогу и собрать в короткий срок большую группу настоящих, достойных мужчин» для продолжения борьбы. Зелимхан предупреждал нового начальника, что если он не выполнит его требований, то также будет убит³. Письма и сами действия Зелимхана и других абреков заставили начальника области потребовать от своих подчиненных самых действенных мер в борьбе с абречеством, усилить воинские посты, пустить в ход резервы и «партизанские команды».

Пока создавались новые военные отряды, Зелимхан экспроприировал деньги у купцов и овцеводов. Еще в 1905 году у озера Кезеной-Ам Зелимхан пленил грозненских богачей Хренова и Базыренко, за что получил выкуп 2 тысячи рублей. Очень богато жили овцеводы-тавричане, безжалостно эксплуатировавшие местных батраков. Среди них выделялся Месяцев. На его хутор (в 40 верстах от Хасав-Юрта) 30 августа 1908 года явился Зелимхан, одетый в офицерскую форму, с 15 вооруженными всадниками. Они вызвали из дому Месяцева, посадили на коня и уехали с ним. «Пленение это, — пишет современник, — характерно тем, что когда воинский отряд, посланный из Хасав-Юрта в погоню, напал на след Зелимхана и почти уже настигал его, то население во главе со старшиной вышло из селения и напра-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3273, л. 29.

² См. там же, л. 34.

³ См. там же, д. 3278, л. 17.

вило отряд в совершенно противоположную сторону и тем дало возможность Зелимхану скрыться»¹.

Набег на хутор Месяцева Зелимхану обошелся очень дорого. Его кровник Шугаип «не поддавался обману» и с двумя горцами «пошел по действительному следу». Настигнув Зелимхана в лесу на отдыхе, он бросился врукопашную и убил отца и брата Зелимхана, ранил его самого. Зелимхан успел убежать в чащу и спасся только чудом, потеряв самое дорогое — своих близких и родных². За Месяцева он взял потом 18 тысяч рублей выкупа.

Не только Зелимхан, но без ведома его, а то и от его имени занимались экспроприацией денег и другие абреки. Больше того. В 1910 году землевладелец-овцевод Г. Юшковский получил по почте письмо с требованием от имени Зелимхана уплатить 20 тысяч рублей «или распрощаться с жизнью». Когда начали проверять подлинность письма, оказалось, что его написал овцевод Г. Мамонтов³. Вскоре было раскрыто и подлинное лицо Мамонтова. «На днях, — писала газета «Терские ведомости», — во Владикавказе участники чуть ли не десятого съезда овцеводов были арестованы во время совещания с неким Филатовым, агентом фабрики фальшивых кредитных билетов. Во время обыска у председателя съезда Мамонтова найдено было несколько писем, адресованных от имени Зелимхана другим овцеводам с угрозой «дергать жилы»⁴.

Многочисленные отряды преследовали Зелимхана почти по его следам. Основной отряд Яицкого желаемых результатов не дал. Тогда в начале 1909 года был создан общий отряд под командованием полковника Вербицкого. Он не раз похвалялся, что Зелимхан уже в его руках. Но тот по-прежнему был неуловим. Сам Вербицкий в отместку за свои неудачи внезапно напал на гудермесский базар, где убил и ранил нескольких горцев. Позже он дотла разорил ингушское селение Цорх за то, что крестьяне укрывали Зелимхана. За неумелую борьбу с абреками Вербицкого сместили.

В ночь на 8 января 1910 года Зелимхан напал на

¹ В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 104.

² См. там же.

³ См.: «Терские ведомости», 1910, № 65.

⁴ «Терские ведомости», 1910, № 92.

станцию Грозный, взял из кассы 18 тысяч рублей и без потерь скрылся. 9 января на рассвете группа всадников в 12—15 человек во главе с Зелимханом недалеко от казачьего поста у Бамутского ущелья повстречала урядника станицы Ассинской Маслевцева, нескольких казаков и крестьянина Кулешова. Два горца, остановив лошадей, завели разговор со станичниками. Один из них сказал: «Бог на помощь, не бойтесь, Зелимхан бедных людей не трогает». Сказавший эти слова указал на Зелимхана. Последний достал из кармана серебряный рубль и передал Кулешову со словами: «Помните, что Зелимхан дает на память». Сказав это, всадники быстро поскакали за остальными вверх по ущелью¹.

Не трогать бедных людей было священной заповедью для Зелимхана. Не только документы, но и народная память сохранила яркий образ героя-одиночки. Царские агенты также подтверждали, что Зелимхан не обогащается, а раздает деньги беднякам². Даже родственникам из добычи Зелимхана ничего не доставалось³.

Зелимхан и на этот раз скрылся. Крестьяне и старшина хутора Даттых умышленно на целые сутки задержали его преследователей⁴.

Зелимхан получил оскорбительное письмо от Вербицкого и в отместку за расстрел чеченцев на гудермесском базаре, за разорение ингушского селения Цорх решил убить его. Его отговорили от выполнения этого намерения. Тогда Зелимхан решил ограбить Кизлярское казначейство, а заодно осрамить Вербицкого. И снова об этом Зелимхан предупредил своего противника. Готовясь к походу на Кизляр, Зелимхан создал два отряда — один в селении Новые Атаги под руководством Аюба Томаева, а второй в Назрановском округе во главе со знаменитым ингушским абреком Саламбеком Гороводжиевым.

Уроженец селения Старые Атаги Аюб Томаев был одним из отважных абреков и приближенных Зелимхана. В свое время Аюб был сослан в Сибирь на поселение, но бежал оттуда в родную Чечню. Начальник Терской области Колюбякин за укрывательство абрека Аюба наложил на крестьян Старых Атагов штраф в 3 тысячи

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 2, лл. 43—44.

² См. там же, д. 31, л. 91.

³ См. там же, д. 13, л. 229.

⁴ См. там же, д. 5, л. 25.

рублей. Томаева снова поймали, сослали в Сибирь, но он через несколько месяцев опять появился в Грозненском округе, где встретился с другом Зелимхана — абреком из селения Хадыс-Юрт Абубакаром Хасуевым. Крестьян Старых Атагов снова заставили уплатить штраф 6 тысяч рублей на поимку Аюба. Но тот был неуловим. Вскоре он присоединился к Зелимхану и «стал его правой рукой»¹.

Замечательной личностью был другой сподвижник Зелимхана — Сосланбек (в народе его называли Саламбеком) из ингушского селения Сагопши. О нем писали: «С именем Саламбека связаны самые дерзкие разбои Зелимхана; в то время как Зелимхан одухотворял шайку своей религиозно-политической популярностью, Саламбек производил на шайку магическое действие своей неустрашимостью, своей безумной отвагой»².

При нападении на Кизлярское казначейство в отряде Зелимхана находился терский казак Орлов, бежавший из станицы к ингушам, где принял мусульманство и женился на горянке. В отряде Зелимхана было по одним данным 30, по другим 60 человек.

О том, что Зелимхан готовился напасть на Кизлярское казначейство, Вербицкий узнал еще за 6 дней до ограбления. Начальник Грозненского округа Стрижов также позвонил Вербицкому об опасности, но последний ответил: «Меры приняты»³. 27 марта 1910 года среди белого дня Зелимхан занял казначейство, взял там 5 тысяч рублей медью и без потерь скрылся⁴. Вербицкого и участкового начальника Абдул-Кадырова отдали под суд.

25 сентября 1910 года на поимку Зелимхана послали в горы сотни солдат и казаков под командованием начальника Назрановского округа князя Андронникова, но абрека не нашли. При отходе в Ассинском ущелье абрек-ингуш Поско убил князя Андронникова, тяжело ранил ротмистра Донагуева⁵. «Все три экспедиции, — соznавалось потом начальство, — бывшие в Ассинском

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 8, д. 374, л. 156.

² В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 104.

³ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 5, ч. 2, лл. 116, 125, 157—159.

⁴ См.: В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 108.

⁵ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 46, л. 90.

ущелье в разных его частях в 1909 и 1910 годах, закончились для нас неуспешно... а для Зелимхана очень даже успешно. Хотя мы и знаем, что Зелимхан обычный разбойник на Кавказе, но вне Кавказа и в особенности в печати нашей и иностранной приобрел известность, за ним, надо полагать, зорко следят, с чем следует считаться и нам»¹.

Большие потери несли царские войска. Озлобленные чиновники и офицеры усиливают репрессии. Осенью 1910 года была арестована семья Зелимхана (жена и четверо малолетних детей) и отправлена во владикавказскую тюрьму, а потом в сибирскую ссылку². Чечня и Ингушетия были наводнены войсками. Только на хуторах Галашки, Даттых, Алкун, Мужичи Назрановского округа в 1910 году стояли три сотни солдат Дагестанского полка³.

Специальная команда ловила Сосланбека Гороводжиева. После пятимесячных поисков и погонь в ноябре 1910 года он попал в тюрьму. Зная, что ему осталось недолго жить, он просил начальника области, чтобы его расстреляли. Генерал Михеев своего слова не сдержал — повесил Сосланбека⁴.

Осенью 1910 года для борьбы с абреками снова организуется большой военный отряд во главе с полковником Моргания. Для более успешной борьбы с абреками он предложил сделать отряд легким, подвижным и выносливым, придать ему два горных орудия для устрашения не только абреков, но и населения. Просьба была удовлетворена — у полковника появилось 2 сотни пластунов и 2 пушки. По указанию Моргания, саперная команда прошла по Ассинскому ущелью, уничтожая башни, построенные предками горцев⁵.

Зимой 1911 года обстановка настолько накалилась, что царские войска вынуждены были рассредоточиться на огромной территории. Увеличиваются гарнизоны в Ведено, Воздвиженской, создаются новые военные посты, усилилась охрана железной дороги. От военных постоев стонало население. Даже казаки станицы Слепцовой

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 8, д. 376, л. 87.

² См. там же, ф. 120, оп. 1, д. 61, лл. 1—8; В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 132.

³ См. там же, ф. 12, оп. 8, д. 374, л. 233.

⁴ См. там же, л. 176; д. 375, лл. 1—2, 26.

⁵ См. там же, д. 375, лл. 58—59.

просили атамана Сунженского отдела избавить их от штаб-квартиры военного отряда, «так как пребывание воинских частей в этой станице ложится тяжелым бременем на население». Крестьяне селения Старые Атаги с иронией писали: «За пятилетие существования этого отряда (царских войск. — *Н. Г.*) в крае мы не видим положительных результатов... Между тем Зелимхан сделался знаменитостью как абрек, о котором говорят не только в далекой России, но даже его имя встречаем и за границей. Это громкое имя знаменитого абрека он получил исключительно благодаря военному отряду, который поднял его на такую высоту». Крестьяне требовали освободить их от военного постоя и всевозможных штрафов¹. Крестьяне Дачу-Борзоя Грозненского округа жаловались на то, что военная команда «причинила... обществу немало хлопот и расходов». Для того чтобы покрыть все эти расходы, крестьяне сдали в аренду «свой последний кусок земли»².

Военные команды не только обирали крестьян, но и бесчинствовали в их домах. Близкий к начальнику Терской области ротмистр Донагуев убивал ни в чем не повинных людей. 2 октября 1911 года пьяная компания офицеров во главе с ротмистром сопровождала дам, ехавших на линейках из Шали в Махкеты. Им встретился старик-чеченец. Даже не спросив, кто он, его убили. Свидетели потом показали, что «вся команда штаб-ротмистра была навеселе и приставала к встретившимся чеченцам с требованием указать местонахождение абрека Зелимхана, угрожая побоями»³.

У Зелимхана везде были свои люди — в Чечне, Дагестане, Ингушетии и Северной Осетии. Один из агентов доносил начальству, что главным вдохновителем и покровителем Зелимхана является начальник чеченской охранной стражи Грозненского округа Яндаров, который «все распоряжения администрации передает Зелимхану»⁴. Начальник Назрановского округа также сообщал: «По дошедшим до меня слухам в хуторе Галашки квартирует команда из 15—17 человек ингушей, вооружен-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 8, д. 34, лл. 156—158.

² Там же, л. 35.

³ Там же, ф. 106, оп. 1, д. 16, лл. 132, 135, 137—139.

⁴ Там же, д. 46, л. 57.

ных 3-линейными винтовками. Команда эта сформирована будто бы по разрешению начальника области для поимки шайки Зелимхана. Старший в команде Юсуп Татиев (бывший абрек), по словам ингушей, служит не правительству, а Зелимхану»¹. Еще в одном официальном документе говорилось, что «вся Чечня, как горная, так и на плоскости, фактически принимает участие в разбойных действиях абрека»².

В начале 1911 года царские войска прилагали все усилия, чтобы еще до того, как покроются зеленым покровом деревья, поймать абреков и самого Зелимхана. Усиливается агентурная служба, оживляются действия военного отряда и полиции. К этому времени терской администрации удалось расправиться с десятками видных абреков: Ахматом Бергиевым, Хасуевым, Саламбеком Гороводжиевым и другими; одних повесили, других отправили в Сибирь³.

Ночью 1 марта 1911 года в селении Старые Атаги команда казаков убила ближайшего сподвижника Зелимхана Аюба Томаева. У мертвого нашли записную книжку, два письма на иностранном языке, погоны поручика пограничной стражи, паспорт на чужое имя, винтовку и гражданское пальто. Убийцы с восхищением доносили начальнику Терской области: «Со смертью Аюба Терская область избавилась от самого серьезного и предприимчивого абрека»⁴.

19 апреля 1911 года начальник Терской области доносил наместнику Кавказа: «В настоящее время остается непойманным один Зелимхан, самый крупный, самый важный и зловредный абрек, по отношению которого приходится отметить, что все меры, к сожалению, остаются пока тщетными». Он «окружает себя такой бдительностью, к какой он не прибегал ни разу за всю свою прежнюю практику... Зелимхан буквально закрывается от всякого постороннего взора, стараясь жить в самом строгом уединении, подальше от родства и знакомства». Далее начальник области во всех деталях описывает беспокойную жизнь Зелимхана. Он рассказывает, как одни агенты Зелимхана сознательно распускают слухи,

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 46, л. 57.

² Там же, д. 19, л. 326.

³ См. там же, д. 23, ч. 1, лл. 36—41; д. 25, лл. 55—56, 127.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 8, д. 375, л. 76.

что он в Турции, другие — что он в Дагестане, третьи — в Грозном, Владикавказе или в том или ином ауле¹.

В другом рапорте от 26 августа 1911 года генерал Михеев, хотя и хвастался успехами в уничтожении абреков, тут же добавлял, что он удручен «непрекращающейся деятельностью абрека Зелимхана, значение которого, как это ни грустно, очень велико, а потому и уничтожение которого должно явиться задачей первостепенной важности». Начальник области понимал силу Зелимхана в том, что с 1901 года «он завоевал умы и настроение народа, пользуется репутацией народного героя и широким укрывательством окружающих»².

Более откровенно писал о Зелимхане начальник Веденского округа князь Каралов: «Громкие успехи в делах, помощь, оказываемая его родственниками, симпатии некоторой части туземного населения и преступный интерес, щедро уделяемый этому разбойнику в печати репортерами, возвели его на пьедестал легендарного народного героя, в честь которого слагаются и распеваются песни в Чечне и Дагестане, в особенности же в соседнем Андийском округе, где Зелимхан, как у себя дома, имеет сторонников-укрывателей». В бессильной злобе князь называет Зелимхана «бывшим жалким пастухом», «подённым каменщиком», «разбойником-политиканом», мечтателем, готовым «провозгласить себя имамом Чечни»³. Зелимхан не мечтал провозгласить себя имамом Чечни, но его имя пытались использовать в своих целях шейхи, муллы.

В 1911 году царские агенты сообщали, что моральную поддержку Зелимхан имеет в лице «крайне хитрого и двуличного Сугаиб-Муллы», который во время революции в мечети народу говорил, что уже царя нет, а царским шпикам — «о своей готовности уничтожить Зелимхана»⁴. Зелимхан не мог разгадать преступную деятельность шейхов и мулл, их вероломство, а они всегда готовы были выдать его на расправу царскому правительству⁵.

Революционно настроенные студенты, главным обра-

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 8, д. 375, л. 77.

² Там же, л. 142.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 106, оп. 1, д. 19, л. 182.

⁵ См. там же, д. 46, л. 88.

зом армяне, в далеком закавказском городе Шуше решили привлечь на свою сторону Зелимхана. На собрании, где присутствовало 60 человек, они избрали 5 делегатов и в марте 1910 года направили их к Зелимхану. Долго добивались встречи с ним. Наконец она состоялась 19 апреля в сержень-юртовском лесу. На совещании, кроме 5 студентов, присутствовало еще 22 человека во главе с Зелимханом. Среди них было два предателя, которые после совещания обо всем сообщили царским чиновникам. По донесению агентов, студенты привезли абреку бомбы и убеждали его, что «скоро ожидается война с Китаем и как только объявят войну, то вся революционная Россия поднимется и тогда чтобы Зелимхан поддержал революцию»¹. До нас не дошло содержание этой беседы. Ясно одно, что Зелимхан вступал в контакт с революционерами. В потерянной сумке Зелимхана вместе с другими вещами была найдена каучуковая печать с такой надписью: «Группа кавказских горных анархистов-террористов. Атаман Зелимхан»².

В некоторых документах и опубликованных статьях говорится о «большой шайке» Зелимхана. Ее у Зелимхана никогда не было. Он собирал своих сподвижников на задуманное дело на 2—3 дня, а затем снова их распускал. Никогда он не открывал своих дальнейших планов, был всегда осторожен и этим только спасал себя.

Многочисленные жандармские агенты сообщали противоречивые сведения о местонахождении Зелимхана. Его сторонники в свою очередь распускали о нем ложные слухи. 18 июня 1911 года бакинская сыскная полиция сообщала петровскому полицеймейстеру: «По имеющимся сведениям 16-го сего июня через Баку в Петровск проездом из Ленкорани проследовал известный разбойник Зелимхан. Зелимхан был в Персии, где закупал патроны, и теперь намерен совершить в Петровске ограбление казначейства»³.

Пленение инженера путей сообщения Ючицкого обещало Зелимхану богатый выкуп или обмен на его семью. В связи с этим 15 сентября 1911 года на Малом Керкетском перевале произошла перестрелка между абреками и солдатами, в результате чего было убито 13 солдат и

¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 19, лл. 355—356.

² Там же, д. 35, л. 74.

³ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 3294, л. 26.

чиновников. Погиб также двоюродный брат Зелимхана, юноша 16 лет¹.

15 октября властям стало известно, что Зелимхан в следующую ночь должен ночевать в двух верстах от Грозного, в Старосунженском ауле у родственника. На второй день в Грозном открывалась ярмарка, на которую обычно съезжались тысячи людей. В ночь на 16 октября аул был окружен казаками, двумя ротами пехоты и отрядом конницы. Была оцеплена и сакля, где находился Зелимхан. Убив офицера и солдата, Зелимхан бросился с крутого обрыва в реку Сунжу и скрылся². Узнав об этом, наместник Кавказа распорядился в большие чеченские селения назначить правительственных старшин, уничтожить хуторские поселения, поставить войска на экзекуцию в Грозненском и Веденском округах, на содержание которых собрать с населения 100 тысяч рублей. Кроме того, было приказано выслать за пределы Кавказа 7 шейхов и взорвать несколько домов в Старосунженском ауле³.

С каждым годом все труднее и труднее приходилось бороться Зелимхану и его абрекам. Усиливаются репрессии, создаются новые воинские команды для их поисков.

* * *

1911 год был годом начала перелома в рабочем движении. В стране множились стачки. Все говорило о нарастании революционных настроений среди трудящихся. Революционное движение усилилось весной 1912 года в связи с ленским расстрелом рабочих. Первое мая 1912 года рабочий класс отметил политическими забастовками. «Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата, — писал В. И. Ленин, — и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих

¹ См.: «Терские ведомости», 1911, 20 сентября; ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3294, л. 62; В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 114—116.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, д. 36, л. 114; В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 119—122.

³ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 20, оп. 1, д. 3974, л. 76; В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 122.

ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного подъема»¹.

Усиливается рабочее движение на Кавказе, в пролетарском Грозном. Воронцов-Дашков плохо знал край, которым управлял, если в 1910 году писал: «Я беру на себя смелость свидетельствовать перед в. в., что в настоящее время Кавказ находится накануне прочного успокоения после революционной бури»². Новая буря только нарастала.

Грозненский комитет РСДРП в своей работе теперь опирался не только на старых большевиков, но и на молодые кадры, выросшие из числа передовых рабочих. В 1909 году во Владикавказ приехал Сергей Миронович Киров. Он стал подлинным руководителем революционной борьбы на Северном Кавказе, часто навещал Грозный, нефтяные промыслы, встречался с рабочими, участвовал в нелегальных собраниях и сходках грозненских рабочих.

В апреле 1911 года вспыхнула забастовка на промыслах фирмы «Ахвердов и К^о», а в августе 1913 года забастовали рабочие нефтяных промыслов, к которым примкнули рабочие других предприятий. Бастующие наряду с экономическими выдвинули политические требования. Рабочие заставили администрацию увеличить заработную плату на 12—15 процентов и улучшить бытовые условия их семей³.

О новом революционном подъеме В. И. Ленин в 1913 году писал: «Рабочий класс перешел к массовому наступлению на капиталистов и на царскую монархию. Волна экономических и политических стачек поднялась так высоко, что Россия опять стоит в этом отношении *впереди всех*, даже наиболее развитых, стран мира»⁴. Стачное движение в Грозненском нефтяном районе усиливается в 1914 году. 8 июня окружной инженер сообщал своему начальству: «В настоящее время настроение рабочих грозненских промыслов настолько тре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 21, стр. 339.

² Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом. СПб., 1910, стр. 4.

³ См.: Л. Н. Колосов. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893—1917 гг.). Грозный, 1962.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 22, стр. 252.

возможное, что, несмотря на принимаемые энергичные против забастовки меры, таковая все-таки возможна»¹. Летом этого года на промыслах бастовало до 7 тысяч рабочих.

Усиливаются и крестьянские выступления. В июле 1910 года воинская команда, состоявшая из русских и чеченцев, отправилась в горы и в районе селений Аккинское, Ялхорой, Межер-Юрт и Галанчож захватила скот и лошадей, якобы краденых. Между крестьянами и командой произошла драка, в результате чего были убиты крестьянин и солдат, а также ранены начальник 2-го Итум-Калинского участка корнет Смирнов и командир разведчиков Ширванского полка поручик Константинов. Во время драки чеченцы-милиционеры покинули офицеров, ссылаясь на то, что будто бы их лошади «понесли»². Осенью того же 1910 года восстали крестьяне ингушского селения Сагопши. Это восстание было жестоко подавлено³. Восставали также крестьяне двух больших хуторов — Нельха и Коки (вблизи хутора Галашки). По приказанию главнокомандующего Кавказским военным округом эти селения были уничтожены, а сами крестьяне в мае 1911 года сосланы в Сибирь⁴. Офицер Котиев, «весьма преданный долгу службы и происходивший из большого рода тех же ингушей», активно участвовал в уничтожении хуторов. Котиев по известным ему тропинкам провел военный отряд в горную Ингушетию, где «гнезда» и «твердыни» ингушей «были разрушены до основания». За усердную службу Котиева повысили в должности и представили к чину подполковника⁵.

11 февраля 1911 года крестьяне селения Сагопши снова возмутились грубым поведением начальства и отказались выполнять распоряжения старшины. Начальник вызванной в селение военной команды прапорщик Гулиев приказал сельскому сходу разойтись, но крестьяне не подчинились. В результате стычки Гулиев и два стражника были ранены. Крестьяне отобрали у страж-

¹ ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 168, оп. 1, д. 290, лл. 4, 21—25.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 16, лл. 18—19.

³ См. там же, ф. 12, оп. 8, д. 374, л. 176; д. 375, лл. 26, 64.

⁴ См. там же, д. 375, лл. 62, 68; ф. 20, оп. 8, д. 61, лл. 1—7.

⁵ См. там же, ф. 106, оп. 1, д. 19, л. 341.

ников оружие¹. 2 декабря 1911 года в селении Харачой произошло кровавое столкновение между казаками и горцами, в результате чего были убиты три человека — отец и два сына Бацуевы, ранен (неизвестно кем) помощник старшины Тасулан Амаев, а также малолетняя девочка. Казаки за убийство чеченцев не были наказаны².

Одной из форм национально-освободительного движения была массовая рубка казенных и общественных лесов, принадлежащих казачьим станицам. Как сообщает Л. Н. Колосов, революционное брожение охватило и казачьи станицы. Подполковник Демин 12 июля 1907 года доносил в терскую охранку, что «казаки станицы Горячеводской как в период обострения революционного движения в 1905 году, так и в последующее время являлись элементом, в политическом отношении совершенно надежным, чего нельзя сказать про многие другие станицы. Но за последний ближайший период и они стали проявлять недовольство, высказывать жалобы на начальство и правительственные порядки»³.

В революционную борьбу вступают передовые люди. Среди них можно назвать имена Кужуева и Албогачиева. Интересна биография Абдул-Межида Кужуева. В 1888 году он был принят стипендиатом от Веденского округа в Тифлисский Александровский учительский институт. После окончания института должен был преподавать у себя на родине. Однако школа не была открыта, и впоследствии Кужуев стал офицером. Среди горцев он вел революционную работу, форма и масштабы которой нам неизвестны. В декабре 1912 года Кужуев «изобличается в противоправительственной пропаганде среди местного туземного населения». Ему запрещают жить на Кавказе в течение 5 лет. Через четыре года Кужуев погиб на фронте⁴. Сын экажевского кузнеца Юсуф Албогачиев, ранее работавший в Керчи и Екатеринославе, в 1913 году устраивается на 15-й участок старых грозненских промыслов. Он был втянут в революцион-

¹ См.: Л. Н. Колосов. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907—1917 годы). Грозный, 1968, стр. 129.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 16, л. 66.

³ Л. Н. Колосов. Цит. соч., стр. 130.

⁴ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 7, д. 175, л. 53.

ную борьбу большевиками А. А. Вожовым и С. С. Бутенко¹.

В период нового революционного подъема активизируются и действия Зелимхана. Оторванный от народных масс, он борется с царизмом по-прежнему в одиночку. Субъективно он считал свои действия правильными. Бросая вызов произволу царских чиновников, проявлял неустрашимость, героизм. Вместе с этим Зелимхан приносил разорение и страдания горскому крестьянству. И если в действиях Зелимхана содержался какой-то политический смысл, то многие другие абреки просто грабили и наживались.

В последние годы своей жизни Зелимхан обычно не покидал гор, тайно находился вблизи своего родного Харачоя. 8 декабря 1911 года командиру пластунской роты, расположенной в этом селении, стало известно, что Зелимхан живет в пещере в 3 верстах от Харачоя. По экстренному вызову из Ведено прибыли войска с пулеметами и артиллерией. Пещера, заделанная плитняком, была расположена на крутом скате, в 100—150 шагах от дна ущелья. Она была почти неприступной. На следующий день пещеру окружили войска и начали ее обстреливать. После некоторых потерь убитыми и ранеными офицер послал чеченца к Зелимхану на переговоры, обещая при сдаче освободить из тюрьмы всех его родственников. «Пусть явится ко мне тот, кому я нужен, и покажет мне бумагу от самого царя, что все штрафы, наложенные на невинных людей, будут сняты и, кроме того, будут освобождены из ссылки все задержанные из-за меня, — ответил Зелимхан»².

10 декабря перестрелка продолжалась. Более 400 солдат, казаков и офицеров палили из винтовок и пулеметов. В последний раз выстрелили из пещеры в шесть часов утра. Когда снова послали чеченца в пещеру для переговоров, там он уже никого не нашел. По поводу исчезновения Зелимхана существует много версий. Более вероятной является следующая. На рассвете, когда стихла стрельба, «из пещеры внезапно вылетел закутанный в башлык и обвешанный кругом бряцающим оружием чеченец и стремглав бросился под кручу... На всех постах

¹ См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Ч. 1. Грозный, 1967, стр. 231.

² В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 123.

в отряде поднялась суматоха. Крик, шум, выстрелы... В результате же оказалось, что бесстрашно ринувшийся в бездну закутанный абрек была кукла, сделанная Зелимханом из бурки, самовара внутри и других побрякушек. Все бросились ловить куклу, а Зелимхан в это время скрылся»¹. О бегстве из пещеры Зелимхана доложили царю и наместнику Кавказа.

К началу 1913 года поисками абреков занялась вся кавказская администрация. В конце января активный преследователь абреков ротмистр Донагуев встретился в Петровске с бакинскими и дагестанскими жандармами. Обсуждали план поимки Зелимхана. К тому времени в Иркутске задержали русского анархиста. Он заявил, что долго жил с Зелимханом в Кюринском округе у местного лавочника. Показания подтвердились. Действительно нашли дом, о котором говорил задержанный. Но Зелимхана там не оказалось².

К тому времени Зелимхан стал болеть. Да и немудрено. Сказались 14 лет скитаний, преследований, несколько ранений, угроза смерти на каждом шагу. Зелимхан потерял отца, братьев, его семья долго находилась в Сибири. Правда, ее вернули из ссылки и отдали под надзор полиции. Все имущество абрека по приказанию властей было уничтожено. Сотни крестьян Веденского и Грозненского округов угодили в ссылку. Многих близких Зелимхану абреков казнили или сгноили в тюрьмах. Штрафами и экзекуциями разоряли крестьян.

Летом 1913 года у Зелимхана созрел план покинуть Кавказ и тайно уйти в Турцию. Однако этому не суждено было сбыться. Еще в сентябре 1911 года к Зелимхану подослали ингуша, который поклялся убить его. Вскоре официально сообщили начальнику Терской области, что Зелимхан «уже убит и тело его лежит во льду», а убийца желает «предварительно получить 8 тысяч, обещанных за голову Зелимхана». Но сообщение оказалось ложным — Зелимхан был на свободе. Он заподозрил что-то недоброе в поведении ингуша. 6 сентября Зелимхан обыскал этого человека, нашел подозрительные «лекарства и талисман» и прогнал его. Не удалось установить фамилии этого предателя³.

¹ В. К а з а ч к о в с к и й. Цит. соч., стр. 125.

² См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 46, л. 25.

³ См. т а м ж е, д. 35, лл. 4—5.

Через несколько месяцев после первой попытки покушения жители селения Шали Шахид и Мусса Борщиковы согласились за деньги выдать Зелимхана. Более года шел торг между ними и помощником начальника области генералом Степановым. Братья выставили свои условия: в случае убийства абрека власти должны возвратить всех высланных и арестованных из-за Зелимхана чеченцев; назначить старшиной селения Шали Шахида Борщикова; выдать Борщиковым документы на бессрочное ношение оружия. За свое черное дело Борщиковы требовали денежной награды, а также устройства их сыновей «на подходящей службе». Они просили, чтобы условия договора хранились в тайне¹.

Что собой представляли Борщиковы? Старший, Шахид, был абреком, участвовал в ограблении Кизлярского казначейства. Мусса служил старшим стражником. Штаб-ротмистр Мусайлов дал о нем такую характеристику: «Этот человек пользуется страшной нелюбовью не только посторонних, но даже своих родных, которые совершенно отказались от него. Он, чтобы выслужиться, доносил на своих дядей и двоюродных братьев (ради того, чтобы получить место), и они с ним в кровной вражде. Человек этот без чести, продаст за место кого угодно»².

Наконец в июне 1913 года соглашение было подписано. За выдачу или убийство Зелимхана обещано было уплатить 7 тысяч рублей. Руководителем операции стал поручик Дагестанского конного полка осетин Кибиров, хорошо знавший чеченский язык. В это время Зелимхан скрывался в горах недалеко от селения Шали. Началось планомерное выслеживание. Агенты Кибирова связались с Зелимханом, оказывали ему всякие услуги: подарили винтовку, давали патроны, обещали устроить надежное пристанище. Наступившие холода ускорили развязку дела. В конце сентября Зелимхан остановился недалеко от Шали, на хуторе старика Бугаева³. Об этом сообщили Кибирову. Тот с командой солдат отправился к хуторам и окружил их. Наконец-то удалось застать здесь Зелимхана. Завязалась перестрелка. На следующий день

¹ См. ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 106, оп. 1, д. 44, лл. 3—6.

² Там же, д. 14, л. 10.

³ См. там же, ф. 12, оп. 8, д. 375, лл. 4—8.

26 сентября прославленный абрек был убит наповал. При нем оказалась трехлинейная винтовка, браунинг, кинжал в серебряной оправе, два полных патронташа, бинокль, три письма на арабском языке и молитвенник¹.

Так закончил свой жизненный путь человек, которого многие тоды ловили, преследовали, но который своей непоколебимой волей, храбростью, хитростью и умением все время водил противника вокруг пальца, мстил и убивал тех, кто приносил горе народу.

Зелимхана не стало. Труп его перевезли в селение Шали и похоронили на кладбище². Зелимхан не достиг несбыточной цели — расправиться с врагами своего народа. Он, как и другие абреки, был одиночкой-мстителем, оторванным от народных масс. Последние 5—6 лет он мешал организованной классовой борьбе трудящихся. Террористические акты абреков против царских чиновников ощутимых результатов не давали. В. И. Ленин писал, что пользу принесет «не терроризм, а систематическая, длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды и агитации, демонстрации и т. д. и т. д.»³ Ленин также указывал, что «индивидуальные террористические покушения являются *нецелесообразными* средствами политической борьбы»⁴.

Террористические покушения абреков на представителей царской администрации сыграли определенную положительную роль в годы революции, когда на борьбу с царизмом поднялись народные массы. «Только массовое движение, — писал В. И. Ленин, — можно рассматривать как действительную политическую борьбу. Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия»⁵. Массовое движение начало оживляться в период нового революционного подъема. Но абреки и сам Зелимхан не примкнули к нему. Они стояли в стороне от него.

Подлинную школу революционной борьбы прошло горское крестьянство в годы первой революции. Его учи-

¹ См.: «Терские ведомости», 1913, 14 ноября.

² См. там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 49, стр. 313.

⁴ Там же, стр. 312.

⁵ Там же, стр. 312—313.

телями были революционные рабочие. Основной силой в борьбе с царизмом и местными эксплуататорами выступали не одиночки-абреки, а массы крестьянства. Но они не могли бы завоевать себе свободу без помощи русского народа. В то же время русский народ, по определению В. И. Ленина, не мог «завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов»¹.

Борьбу против социального и национального гнета возглавил самый передовой из общественных классов — рабочий класс. Он являлся движущей силой в утверждении интернационального единения и братства всех народов. Только рабочий класс под руководством Коммунистической партии указывал горскому крестьянству пути избавления от нищеты и угнетения. Большевицкая партия во главе с В. И. Лениным шла к социалистической революции с четкой программой свержения самодержавия и капиталистического строя. Большевики в борьбе с соглашательскими партиями привлекли на свою сторону большинство трудящихся, они сумели «сформировать политическую армию социалистической революции. В единый поток соединились борьба рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянская борьба за землю, национально-освободительная борьба угнетенных народов России»².

В национально-освободительной борьбе, в свержении капиталистического строя, в изгнании белогвардейцев и иностранных интервентов участвовали и трудящиеся Чечено-Ингушетии. Вместе со всем советским народом они успешно построили социализм и идут к вершинам коммунистического общества.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 11, стр. 171.

² Тезисы ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». — «Коммунист», 1970, № 1, стр. 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Чечено Ингушетия под пятой царизма	11
Антиколониальная и классовая борьба накануне и в годы первой революции	45
Чечено-Ингушетия в годы реакции и нового революцион- ного подъема	83

ГРИЦЕНКО НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

КЛАССОВАЯ И АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Редактор Б. Г. Забрусков
Худож. редактор М. Б. Магомаев
Техн. редактор А. Н. Поздняков
Корректоры Л. Ф. Григорьева и О. В. Черная

✱

Сдано в набор 24. VI 1971 г.
Подписано к печати 20. IX 1971 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 3
Объем 3,375(5,67) п. л. Уч.-изд. л. 5,87
Тираж 2000. СФ06014

✱

Чечено-Ингушское книжное издательство
Управление по печати при Совете Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, 21, улица Ленина, 14

✱

Заказ № 83
Типография имени И. Н. Заболотного
Управления по печати при Совете Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, улица Интернациональная, 12/33
Цена 35 коп.